

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**НАУКА И ИСКУССТВО:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И
КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Часть I

Новосибирск, 2011 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
Н 34

Рецензент — к. фил. н. Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

Н 34 «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (14 декабря 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2011. — 104 с.

ISBN 978-5-4379-0035-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-4379-0035-2

Оглавление

Секция 1. Культурология	5
1.1. Теория и история культуры	5
ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРАХ	5
Гороховская Лариса Георгиевна	
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ	12
Жиделева Ксения Андреевна Кириллова Наталья Борисовна	
ГЕНДЕР: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ	16
Замураева Полина Баировна	
ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ	23
Иващенко Татьяна Сергеевна	
РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ИСЛАНДИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	27
Табаченков Владимир Валерьевич Ягов Олег Васильевич	
ПОПЫТКА КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В ФОКУСЕ ПОСТИЖЕНИЯ ОСНОВ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ	31
Шемякина Мария Константиновна	
Секция 2. Языкознание	36
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	36
СИНОНИМИКО-ВАРИАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	36
Гареева Лилия Махмутовна	

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР Дамба Валерия Семис-ооловна	40
2.2. Германские языки	47
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ Шалифова Ольга Николаевна Родионова Виктория Михайловна	47
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЗНАК-СИМВОЛ- ЗНАЧЕНИЕ-КОНЦЕПТ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА Трубаева Елена Игоревна	56
2.3. Теория языка	61
ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКА: ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЦИИ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА Ахренова Наталья Александровна	61
ПОЗИЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПАДЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ Бунамес Наталья Викторовна	65
СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА Бунамес Наталья Викторовна	72
РАЗЛИЧИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ КВАНТИФИКАЦИИ Гайломазова Елена Сергеевна	84
СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ САКРАЛЬНОГО Дульянинов Анатолий Георгиевич	92
ИДИОМАТИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНОИСКУССТВА Казакова Анна Игоревна	98

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРАХ

Гороховская Лариса Георгиевна

кандидат исторических наук, доцент ДВФУ, г. Владивосток

E-mail: gorohovskaya@mail.ru

Поводом к размышлению о проблеме «свой-чужой» в повседневной городской культуре стала информация, полученная в ходе опроса студентов об освоении ими городского пространства. На вопрос о символе города, речь шла о Владивостоке, первым и импульсивным ответом было: мигранты. Именно таким образом была обозначена как значимая проблема существования в постсоветском пространстве российского города «своих» и «чужих». Упрощение до уровня стереотипа и нерелексивность — характерные признаки повседневных представлений человека об окружающем его социальном и природном мире. В этой работе нас интересует: насколько подвержены изменениям повседневные представления о «чужих» в массовом сознании, претерпел ли трансформацию образ «чужого», сложившейся в традиционной культуре, в современной городской ситуации.

В современной науке тема «свой-чужой» обнаруживает множественность подходов. В социологии эта проблема перекликается и тесно связана с вопросами социальной маргинальности. Классической работой о «чужом» социологи называют работу Г. Зиммеля. Чужаком определяется тот, кто находится вне группы (социальной группы). В качестве критериев, указывающих на непринадлежность группе, называют пространственные и временные факторы. Чужак находится вне группы на момент ее возникновения, что и фиксируется параметром времени. Он также отделен от группы и локально: чужак вне пространства группы. Он интересен как тот, кто

использует особого рода функции. Функция чужака — отделенность, дистанцированность. Существо взаимоотношений группы и чужака состоит в наблюдении. Группа наблюдает за чужаком, чужак — за группой. Характер взаимоотношений группы и «чужого» определяется как случайный и абстрактный [3, с. 457]. Подчеркнем еще раз то, что определение «чужого» в социологии связано с групповыми социальными взаимодействиями, в отличие, к примеру, от позиций философов обнаружить Другого/Чужого в среде людей, принадлежащих к одной социальной группе.

По мнению немецкого исследователя Р. Штихве понятие «чужой» во многих обществах регулирует отношения *включения* и *исключения* из социальной общности одновременно на многих уровнях. Причисляется ли некто к «мы-группе» или же к «чужим», может зависеть от минимальных изменений ситуаций и контекста [16]. Указывая на амбивалентность «чужого», социолог в качестве примера приводит этнографический материал о неустойчивости во многих культурах статуса гостя («Гость до порога» как говорится в одной из русских пословиц, а потом... чужак?).

В традиционных обществах «чужими» осваиваются низшие статусные лакуны. Таким образом, они вытесняются как потенциальные претенденты из тех позиций, которые считаются престижными и могут быть заняты местным населением («своими»).

Доминирующей тенденцией в обсуждении данной проблемы в последние годы, по мнению И.М. Быховской, стало стремление к нивелированию, смягчению различий в противостоянии «своего» и «чужого» в культуре. Все более активно говорят о «коммуникационном перевороте», об утверждении идеи толерантности, о «победном шествии» концепций диалогизма и социального партнерства. В таком контексте проблема «своей» и «чужой» культуры, по сути, снимается — ведь последняя из противостоящей и потенциально враждебной превращается всего лишь в культуру «Другого» [4].

По мнению ряда исследователей, современное общество принципиально меняет отношение к чужому и схему взаимодействия с ним. Категория «чужого», возможно, теряет смысл. Прежде всего, чужака не выделяют как особую социальную фигуру. Он становится, по одному варианту, вездесущим, по другому — невидимым. Современная урбанизированная среда делает социальные отношения обезличенными и анонимными, лишенными симпатии связей близких людей [16]. Типизированность предполагает стандартную схему взаимодействия, основанную на шаблоне. Таким образом, чужой

оказывается вне схемы различения «свой—чужой», по той причине, что либо все — чужие, либо все — свои.

Обратимся к бинаризму «свой—чужой», рассмотрев его сквозь призму восприятия этой оппозиции в традиционной картине мира.

Лингвистические коннотации лексемы «чужой» фиксируют значение не-друга, как крайний вариант — врага. (Либо, в смягченной модификации, в русской лексике вместо «чужой» часто употреблялись слова «дикий», «дивный», «дивья»). Достаточно многочисленны лингвистические свидетельства, в которых самоназвание народа восходит к словам со значением «человек», «настоящий человек», а остальные определяются как «не-люди». Известны случаи, когда в отношении «чужих» употреблялся классификатор, обычно используемый применительно к насекомым [18, с. 8].

В народном сознании коннотативный аспект *чуждости* фиксировал состояние анти-нормы, полную противоположность принятым правилам, обычаям, традициям. Этот подход можно считать универсальным [2].

Анти-норма, затрагивая все сферы действия культурных практик, прежде всего, возникала на уровне антропологии, *выявлялась* антропологическими признаками: от незначительных отклонений от нормы до уродливо-фантастических. Согласно представлениям русских сибиряков первой половины XIX века коренное население Сибири составляла некая «чужь», которая в старинных песнях называлась *белоглазю* [10, с. 51.]. Замечательные сведения опубликованы в «Сибирском вестнике» за 1886 год, которые дают представления о чужом народе, якобы проживавшем за Югорским камнем (Уральские горы), до начала освоения этой территории казаками. «В той стране (за Югорским камнем — Л.Г.) есть иная *самоедь*. Вверху рты на темени, а *не говорят*. А коли едят, то еду кладут под шапку, под колпак. А как начнут есть, то они плечами движут вверх-вниз... По зиме умирают, на два месяца. Умирают же так: где кого застанет, там и сядет. А иные оживают. Как солнце на лето повернет. Так всякий год: оживают и умирают. В той же стране иная самоедь. По обычаю люди, но без глав, рты промеж плечей, а очи — в груди. И *не говорят*» [11, с. 115.].

Обратим внимание на то, что текст по своему содержанию противоречив. С одной стороны, в нем есть признание «человеческого» статуса — « по обычаю люди» — но, с другой стороны, ряд антропологических признаков - «без глав, рты промеж плечей, а очи — в груди» и каждый год «умирают и оживают» — вряд

ли позволяет считать «самоедь» людьми. Такое описание действительно близко к описанию животных или насекомых.

Словесные описания жителей Уральских гор дополняются и изобразительным рядом. В.И. Даль упоминает лубочную картину, где на листе находят изображения людей дивных или диких (чужих), найденных Ал. Македонским внутри гор Рифейских: это люди одноногие, трехрукие, одноглазые, двуногие [6, с. 12].

Один из основателей отечественной антропологии Д.Н. Анучин в «Трудах Императорского московского археологического общества» отмечает, что рассказы о людях безо рта, безголовых, временно умирающих встречаются и в других источниках, как русских, так и иностранных. «Рассказы о баснословных народах (дивных людях, дивовищах) встречаются в литературе почти всех культурных народов, на известной стадии их развития. Особенно процветали они, по видимому, на Востоке, у индусов, персов, арабов» [1, с. 240]. Христофор Колумб после открытия Нового Света с удивлением замечает, что еще не встретил людей-чудищ, как многие ожидали [Цит. по: 15, с. 112].

Таким образом, чужой первоначально определяется через антропологические признаки, которые значительно отличаются от телесности *нормальных* людей («своих»). Прагмасемантика такого противопоставления также определяется как универсальная установка [5.]. Афанасий Никитин в «Хожениях за три моря» пишет: «А все *черные*, а все злодеи» [Цит по: 9, с. 166]. Одновременно «дивьи люди» либо невероятно малы ростом, либо невероятно высоки. Соматические представления, в которых отражалось восприятие человеческого тела, имели еще одну скрытую коннотацию: любые *отклонения от телесной нормы* расценивались как знак связи с потусторонним миром [17, с. 167]. Все лешие, ведуны, колдуны были либо хромоноги, либо косоглазы, либо имели еще какое-либо увечье.

Кроме отличий физических, телесных «дивьи люди» имеют и языковые отличия. Чаще всего они немые: «и не говорят». Хрестоматийно известны именование русскими германцев «немцами» (немой, не-говорящий.) На наш взгляд, языковая чуждость занимала вторичное место по сравнению с антропологической (телесной). Приведем подтверждение этой мысли. В старинных русских сборниках XV-XVIII вв. встречается статья под заглавием «О *человецах* *незнаемых* в восточной стране», иногда с добавленным заголовком: «о *языцах* *разных* и *иновидных*» [1, с. 227]. В начале — антропологическое, и лишь затем - языковое. Языковая чуждость в перспективе могла быть преодолена. По свидетельству этнографов,

немота также воспринималась как свидетельство связи с потусторонним миром.

Культурные коннотации вокруг «чужого» не исчерпываются телесными, языковыми отличиями, они дополняются различиями в образе жизни, питании, одежде, обычаях. (Русская поговорка: не сошлись обычаем, не бывать дружбе). Изначально, все отличия фиксируются по схеме «не-свои», значит неправильные, неверные. Однако эта схема не является жестко фиксированной. При межкультурных контактах многое зависит от субъективных установок носителей культуры. Как было уже упомянуто, в родовых обществах статус чужого неприемлем, в урбанизированной среде современных обществ — граница «своего и чужого» регулярно нарушается, формируя состояние неопределенности с рассогласованием традиционных установок.

Вероятно, сфера переработки «чужого в свое» ограничивается повседневными культурными практиками. А граница чуждости проходит по сакральному ядру культуры, с которым связана родовая память и соответственно процессы самоидентификации. Сходная мысль отмечается и в работе Н.А. Криничной: «Упорядоченность в мироздании поддерживается *равновесием* в соотношении между изначальными сущностями, универсальными противоположностями. В соответствии с этими дуальными моделями свое противопоставляет чужому, сакральное — профанному, божественное — человеческому...» [7, с. 21].

Итак, самый древний пласт «чуждости» проходит по сакральному ядру культуры, затем он закрепляется типизированными социальными взаимодействиями по схеме «свой-чужой» и транслируется в процессе социализации. Именно в повседневных практиках происходит процесс первичной социализации, в ходе которой и формируются представления о «нормальном человеке», складывается автостереотип о «своих», формируется «культурная» граница, отделяющая «своих» от «чужих».

Обращаясь к вопросу восприятия «чужих» в современной городской культуре России, можно предположить, что значительных изменений в этом образе не произошло. Природе повседневного знания свойственны типизированные схемы. В современной российской городской культуре «чужой» однозначно связывается с мигрантами [12, с. 345-358; 14, с. 58]. По-прежнему «чужой» воспринимается как тот, кто представляет опасность. Однако на первое место выходят угрозы, связанные с телесной нечистотой «чужого» [2, с. 7; 8, с. 250]. Безошибочное различие «своего и

чужого» выражается в разделении тел: своих как «здоровых и чистых», чужих как «больных и заразных» [5]. Повседневные практики педагогов советских школ-интернатов с детьми северных народов, у которых «все не как у людей» демонстрировали традиционные тактики ритуального телесного очищения «чужого» ребенка [8, с. 249]. По мнению французского исследователя Ремаге А. стереотип нечистого «чужого», существующий как страх перед заразными мигрантами поддерживается как СМИ, так и политической элитой России [13, с. 402], что свидетельствует об устойчивости стереотипных взглядов и переносе их в сферы профессиональной деятельности.

Нынешний приоритет «ольфакторных», телесных характеристик в определении «чужого», является *современным вариантом* проявления антропологической *анти-нормы*, несущей основную нагрузку, как было показано выше, в дискурсе «своих» и «чужих» в традиционных картинах мира. Ритуальное различие «чистого и нечистого», как считает М. Дуглас, имеет своей целью распознавание определенного и неопределенного [Цит. по: 5]. В социальном пространстве современного города чужак и воспринимается сквозь призму неопределенного, неизвестного.

Таким образом, восприятие мигрантов как нечистых («грязные», «немытые», «заразные») не указывает на реальное положение дел, а фиксирует стереотип восприятия, которые уже затем дополняются указанием на культурные различия («не уважительно относятся к нашей культуре», «не соблюдают нормы поведения»). Социальная же причина разграничения на «своих и чужих», как считают социологи, кроется в ограниченности ресурсов и соответственно в ограничении доступа к ним «чужаков». Несмотря на распространенную в последнее время критику бинарности, антропологический бинаризм «свой-чужой» латентно *существует*, а не *преодолевается* культурой.

Список литературы:

1. Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака (Древнерусское сказание о человеках незнаемых в восточной стране) // Древности. Труды Императорского московского археологического общества. М., 1890. Т. 14. С. 227-313.
2. Архипова А. С. Что общего между чукчей и чебурашкой? Этнод по фольклористической ономастике. [Электронный ресурс] URL: http://www.imk.msu.ru/Publication/.../rt06russ_archipova (дата обращения 12.10.2011)
3. Баньковская С. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 457-468.

4. Быховская И. М. Личность в условиях встречи культур: векторы и некоторые методологические основания анализа проблемы. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.isiksp.ru/library/byhovskaya_im/byhovskaya-\(дата обращения 5.09.2010\)](http://www.isiksp.ru/library/byhovskaya_im/byhovskaya-(дата обращения 5.09.2010))
5. Богданов К. О чистоте и нечисти // Неприкосновенный запас. 2009. № 3(65) [Электронный ресурс] URL: <http://www.magazines.russ.ru/nz/2009/3/> (Дата обращения 24.06 2011)
6. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М., 2008.
7. Криничная Н. А. Культурно-религиозные символы мироздания в русских народных легендах («далекая» земля — затонувший город — райская обитель) // Традиционная культура. 2006. №. 4. С. 20-25.
8. Лярская Е. «У них же все не как у людей»: некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242-258.
9. Мазалова Н. Е. Состав человеческий: человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. 192 с.
10. Миненко М. Л. Предание о чуди и народная концепция присоединения Сибири // Этнические культуры Сибири. Новосибирск, 1986. С. 46-51.
11. Оксенов А. В. Слухи и вести о Сибири до Ермака // Сибирский вестник. 1886. Кн. 4. С. 108-117.
12. Пилинг Ш. Перемещения, девиантное поведение и городская идентичность: мигранты в Ленинграде в конце второй мировой войны // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 345-358.
13. Регаме А. Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. №1 3. С. 389-406.
14. Романова А. П. Концепт чужого в системе толерантных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3(20). С. 55-59.
15. Харитонович Д. Э. Mundus novus. Первоначальная природа глазами человека эпохи Возрождения // Природа в культуре Возрождения. М., 1992. С. 107-121.
16. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. Вып.1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa> (Дата обращения 28.03 2008)
17. Щепанская Т. Б. Культура дороги в мифоритуальной традиции XIX — XX вв. М., 2003. 343 с.
18. Этническая ономастика. М., 1984. 192 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ

Жиделева Ксения Андреевна

*магистрант, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
E-mail: fevralskaya90@mail.ru*

Кириллова Наталья Борисовна

*д-р культурологи, профессор, Уральский федеральный университет
им. Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург
E-mail: urfo@bk.ru*

Сегодня все чаще в культурной среде апеллируют к таким понятиям, как медиа, новые медиа, медиаискусство, медиакультура. Интерес к теме «медиакультуры» в России очевиден. Он складывается из двух составляющих:

1. Интересы к феномену информационных технологий.

2. Реакции российского сообщества на изменения в традиционном культурном менталитете в связи с техническими инновациями в моделях информационно-коммуникативных каналов.

«Медиа» — это термин 20 века, происходящий от латинского слова «medium» — средство, посредник. Медиакультура объединяет все средства массовой информации, а также аудиовизуальные искусства. Избыточность аудиовизуальной информации в современной цивилизации констатировали Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийяр, П. Вирильо. По их мнению, медиа — область культуры, связанная с трансляцией динамических образов, получивших широкое распространение современными техническими способами записи и передачи изображения и звука (кино, телевидение, видео, системы мультимедиа) [1, с. 15].

Первоначально данное понятие было введено для обозначения роли массовой культуры, массовой информации. Функции медиа на протяжении многих веков выполняла реклама, прошедшая путь от элементарных форм посредничества до сложного и эффективного инструмента рыночных отношений.

Современная медиакультура — это интенсивность информационного потока книжной, аудиальной, визуальной и аудиовизуальной культур. Кириллова Н. Б., один из исследователей данного феномена, дает следующее определение: «Медиакультура —

это совокупность духовных и материальных ценностей в сфере медиа, а также исторически определенная система их воспроизводства и функционирования в социуме» [3, с. 150].

Как говорилось ранее, функции медиакультуры на протяжении многих веков выполняла реклама. Так называемая протореклама [2, с. 22] (родовые и племенные тотемы, клеймо, сигнатуры) представляет образцы информационно-рекламной деятельности, предшествовавшие современным видам рекламы. Постепенно развиваясь, протореклама выполняла различные функции, но одной из главных и по сегодняшний день является информационная составляющая рекламы.

В наши дни реклама, в целом, является важнейшей составляющей маркетинговой системы, социокультурным феноменом, продвигающим товар на рынок. В сфере медиакультуры, рекламу можно определить как активного посредника между производителем и потенциальным зрителем.

Мы попытаемся раскрыть значимость рекламы в современной медиасфере, рассмотрев это на примере менеджмента фестивального движения (кинофестиваль, фестиваль современного искусства, фестиваль телепрограмм) как одной из форм медиакультуры.

Реклама — это главный инструмент продвижения фестиваля, что особенно важно для его создателей. Реклама как составная часть маркетинговой стратегии определяет уровень фестиваля, а также достижения фандрайзинга (привлечение и аккумуляция финансовых средств из различных источников). Эта деятельность осуществляется во время всего фестивального года путем организации специальных мероприятий (научные конференции, круглые столы, творческие встречи, пресс-конференции, рассылка релизов и пострелизов, постоянно обновляющийся сайт организации, проводящей данное мероприятие). Также рекламная деятельность заключается и в работе внутрифестивального печатного органа и его телевизионной версии, торжественные церемонии открытия и закрытия фестиваля.

Необходимо выделить два типа рекламы в данной сфере, тесно взаимосвязанных между собой: 1) реклама самого проекта; 2) реклама спонсоров данного мероприятия, так как нужно понимать, что фестивальное движение, как форма медиакультуры, является некоммерческой сферой деятельности, не имеющей целью извлечение прибыли. Следовательно, основными источниками его финансирования частично являются средства государственного бюджета, а также общественных организаций, многочисленных

спонсоров и благотворителей. Поэтому реклама фестивальных спонсоров, по мнению исследователя данной сферы Кирилловой Н.Б., является одним из условий осуществления фестивального проекта [2, с. 311]. В обмен на рекламу делаются спонсорские взносы, что помогает воплотить проект.

Реклама фестиваля может быть самой разнообразной. Наиболее распространенный вид — наружная реклама в тех местах, где будут проходить или проходят мероприятия. В помещениях развешиваются рекламные щиты, баннеры, специальные рекламные предметы. Также наружная реклама распространяется и в городском пространстве в виде афиш на остановках, в транспорте, растяжек над улицами, плакатов. Нужно отметить, что любая реклама должна содержать не только сведения о фестивале (название, срок его проведения, место), но и обязательно отражать информацию спонсоров проекта (логотипы, эмблемы).

Аналогичная фестивальная реклама проводится и в средствах массовой информации (газеты, журналы, телевидение, радио). Чтобы к фестивалю возник интерес в обществе, необходимо не только оповещать зрителя о месте и времени проведения, но и суметь заинтересовать его этим мероприятием. Нужно выделить целевую аудиторию проекта и давать рекламу именно на эту аудиторию, используя средства массовой информации, предпочитаемые данной аудиторией.

Есть еще один вид рекламы — информирование о мероприятии в международной сети Интернет. На собственном сайте выкладываются и обновляются новости о проведении фестиваля, а также дается реклама благотворителей проекта (логотипы, ссылки на их веб-страницы).

Реклама фестиваля и его спонсоров распространяется на всем фестивальном пространстве (логотипы в билетах и приглашениях, баннеры и растяжки в залах).

Стоит отметить немаловажный вид рекламы — фестивальный каталог, который выполняет три основные функции [2, с. 313]:

1. Служит рекламой мероприятия.
2. Информировует прессу и зрителя о том, как проходит фестиваль.
3. Обозначает основные организации-доноры данного мероприятия.

Каталог — это визитная карточка фестиваля. Кроме того, акцент при продвижении фестиваля часто делается на мерчандайзинге (выпуск сопутствующих товаров с фестивальной символикой). Во время проведения проекта продаются и дарятся различные предметы с

логотипами и слоганами фестиваля (ручки, наклейки, календари, брошюры, значки).

Таким образом, в наши дни реклама, в целом, является важнейшей составляющей маркетинговой системы, социокультурным феноменом, продвигающим товар на рынок. В сфере медиакультуры рекламу можно определить как активного посредника между производителем и потенциальным зрителем, поэтому основными функциями рекламы в современной медиакультуре являются:

1. Информационная. Реклама является источником информирования о проведении того или иного культурного мероприятия.

2. Познавательная. Через рекламу люди могут узнать, например, о направлении фестиваля, его участниках.

3. Эстетическая. Реклама является средством создания внешнего облика проекта.

4. Посредническая. Реклама устанавливает связи между структурами общества, дает возможность различным социальным слоям общаться друг с другом.

5. Экономическая. Реклама является средством привлечения инвесторов, спонсоров, которые готовы вкладывать деньги в культурные проекты.

6. Интеграционная. Реклама может взаимовыгодно объединить различные сферы деятельности, например, предпринимательство и культуру.

Список литературы:

1. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, истории, практика: учебное пособие. М.: Академический Проект; Культура, 2008. 496 с.
2. Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система. М.: Академический Проект, 2008. 406 с.
3. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов-на-Дону, 2001. 325 с.

ГЕНДЕР: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Замураева Полина Баировна

аспирант кафедры культурологии ВСГАКИ, г. Улан-Удэ

E-mail: Polina12309@mail.ru

Проблемы пола и межполовых отношений исследовались на разных этапах исторического развития общественных наук (философии, социологии, этнографии, антропологии, истории, психологии, культурологии и др.). В русле различных научных дисциплин были сформулированы проблемы, актуальные для изучения межполовых отношений, проведены первые эмпирические исследования, оформились теоретические концепции и подходы.

Проблемы пола обсуждались в работах таких отечественных философов, как В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, В. Розанов. Общим для всех работ является противопоставление психологических качеств мужчин и женщин. Так, С. Н. Булгаков считал, что в психологическом плане мужчины и женщины существенно различаются, мужчина деятелен, логичен, полон инициативы; женщина инстинктивна, склонна к самоотдаче, мудра нелогической мудростью простоты.

По мнению П. А. Флоренского, женская чувственность, эмпатичность, эмоциональная экспрессивность отличают ее от мужчины с его инструментальной размеренностью, ориентированной на цель и компетентность. Благодаря этим качествам считается, что все женщины более гибки, отзывчивы. Мужчины же более тверды и властны. Женскими качествами считались также преданность, жертвенность, терпение, покорность. Мужчину рассматривали как имеющего противоположные качества и потому мужское и женское начала осмысливались в категориях власть — подчинение. «Мужчине приписывается право распоряжаться женщиной, «быть покровителем и вождем», право женщины — «в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя»».

Женщинам свойственно следить в первую очередь не за объектами и решением каких-то задач, а за благополучием людей, составляющих их круг общения. Так, Н. Ходоров, К. Гиллиган утверждают, что женщины на первое место ставят отношения между людьми, в то время как мужчины во всех обществах более независимы, доминантны, властны, авторитарны и решительны.

Женщины же более осторожны, склонны к подчинению, отзывчивы и демократичны [5, с. 66-86].

В рамках теорий русских философов подчеркивается роль женщины в культурном наследии. Н. Бердяев пишет о том, что сила женственности играла огромную, но не всегда видимую и часто таинственную роль в мировой истории. Без влюбленности в Вечную Женственность мужчина ничего бы не сотворил в истории мира, и не было бы мировой культуры [1, с. 232-265].

Клецина И.С. отмечает, что в конце 19 и начале 20 вв. в различных научных областях изучались отдельные вопросы, которые в той или иной мере имели отношение к социальным проблемам пола и межполовых отношений.

Так, развитие феминистской теории способствовало возникновению академических курсов в высшей школе США в 70-е годы 20 столетия, которые в дальнейшем стали академической дисциплиной под названием «женские исследования» (Women`s studies). Женские исследования — образовательная программа, основная цель которой заключалась в том, чтобы компенсировать отсутствие женской точки зрения в учебных программах традиционных университетских курсов, а также способствовать развитию нового взгляда, на роль и статус женщин в современной общественной жизни. Предметом этих исследований является собственно женский опыт, специфика женского вообще, осмысление способов мужского господства и женского угнетения в обществе.

Вслед за развитием женских исследований появились и примерно с середины 80-х годов, параллельно с ним, развивалось в западных странах научное и образовательное направление — гендерные исследования. Гендерные исследования (Gender Studies) — междисциплинарная исследовательская и образовательная практика. В гендерных исследованиях изучаются практически все вопросы взаимодействия мужчин и женщин как на уровне макрообщества, так и в семье, личной жизни. Ключевым вопросом в гендерных исследованиях является разграничение понятий «пол» и «гендер». Этому вопросу были посвящены работы феминистских теоретиков Гейл Рубин, Роды Ангер, Адрианны Рич и др. Пол относится к универсальным биологическим отличиям женщин и мужчин. А гендер, как объясняет английский социолог Энтони Гидденс, это не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально-формируемые особенности мужественности и женственности.

Термин «гендер» введен в 1968 году американским психологом Р. Столлером. Введение понятия «гендер» в научный оборот современного социального знания преследовало несколько целей:

- «уйти» от термина «sex» (биологический пол) при интерпретациях проблем полоролевого разделения труда;
- перевести анализ отношений между полами с биологического уровня на уровень социальный;
- отказаться от постулата «о природном назначении полов» [6, с. 16-17].

Термин «гендер» был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий. Гендер — специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой. Гендер, отражает историческую и этнокультурную детерминацию социальных особенностей мужчин и женщин как трансляторов соответствующего представления общества о феминности и маскулинности. Не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы.

Гендер структурированная под влиянием культуры система различий. Она, некоторым образом, связана с биологическими различиями, но не сводится только к ним, гендер — это знание, устанавливающее значения для телесных различий. Эти значения варьируются в зависимости от культур, социальных групп и времени. Рождение мальчика или девочки может также по-разному восприниматься и в разных культурах. Так, в архаических обществах, особенно с охотнически-собираТЕЛЬСКИМ укладом, рождение девочки приветствовалось в меньшей степени, чем в земледельческих культурах, где уже появляется моногамная семья и женский труд (воспроизводство рода, выхаживание, воспитание и т. п.) получает более высокую оценку.

Понимание гендера как культурного символа связано с тем, что пол человека имеет не только социальную, но и культурно-символическую интерпретацию. Иными словами, биологическая половая дифференциация представлена и закреплена в культуре через символику мужского или женского начала. Это выражается в том, что многие не связанные с полом понятия и явления (природа, культура, стихии, цвета, божественный или потусторонний мир, добро, зло и многое другое) ассоциируются с «мужским/маскулинным» или «женским/фемининным» началом. Таким образом, возникает

символический смысл «женского» и «мужского», причем «мужское» отождествляется с богом, творчеством, светом, силой, активностью, рациональностью и т. д. (и, соответственно, бог, творчество, сила и прочее символизируют маскулинность, мужское начало). «Женское» ассоциируется с противоположными понятиями и явлениями — природой, тьмой, пустотой, подчинением, слабостью, беспомощностью, хаосом, пассивностью и т. д., которые, в свою очередь, символизируют феминность, женское начало. Классификация мира по признаку мужское/женское и половой символизм культуры отражают и поддерживают существующую гендерную иерархию общества в широком смысле слова.

Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам роли. Освоение половой роли предполагает наличие не только определенного типа поведения, но и конкретных личностных особенностей и даже всего образа жизни. Все это достигается благодаря воздействию агентов (институтов) социализации, которые формируют личность в соответствии с доминирующими культурными нормами, ценностями, образцами маскулинного и феминного поведения, а также возможности субъекта интериоризировать предлагаемые культурные стандарты.

Итак, основной смысл понятия «гендер» заключен в идеи социального моделирования или конструирования пола посредством социальной практики. В обществе возникает система норм поведения, предписывающая выполнение определенных половых ролей и соответственно возникает довольно жесткий ряд представлений о том, что есть «мужское» и «женское» в этом обществе. Таким образом, гендер — это совокупность социальных конструкций и репрезентаций, а не данность закреплённая природой.

В рамках теории социального конструирования (основы данной теории представлены в работе П. Бергена и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»), гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, конструируемая основными институтами общества. Теория социального конструирования гендера основана на двух постулатах:

Гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, средствами массовой информации;

Гендер строится и самими индивидами на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. п.).

В соответствии с биодетерминистским принципом рассмотрения явлений гендерные характеристики человека определяются биологическими, природными факторами. Биодетерминизм восходит к идее детерминизма вообще, как учению о связи и взаимообусловленности явлений действительности, где большую роль играли законы природы. В концепции биодетерминизма природные факторы рассматриваются как неизменные и их следствия трактуются в жестко консервативном ключе.

Ярким примером биодетерминистской концепции является эволюционная теория В.А. Геодакяна [3, с. 171-189]. Согласно этой теории процесс самопроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность — консервативный фактор, стремящийся сохранить неизменными у потомства все родительские признаки, и изменчивость, благодаря которой возникают новые признаки. Женские особи олицетворяют собой постоянную память, а мужские — оперативную, временную память вида. Поток информации от среды, связанный с изменением внешних условий, сначала воспринимают самцы, которые теснее связаны с условиями внешней среды. Лишь после отсеивания устойчивых сдвигов от временных и случайных генетическая информация попадает внутрь защищенного самцами устойчивого «инерционного ядра» популяции, представленного самками. Из этого следует вывод, что мужчины — творцы и созидатели, а женщины консерваторы, их задача сохранять то, что создано мужчинами [6, с. 69-70].

Д.Н. Исаев, С.И. Голод, И.С. Кон подчеркивают, что психофизиологическое своеобразие полов предопределяет и их социокультурное предназначение: женщина отвечает за естественное воспроизведение потомства, мужчина — за культурное, что обеспечивает господствующее положение мужчины в обществе как транслятора навыков и образцов поведения.

К числу биодетерминистских по сути концепций может быть отнесена и теория половых ролей, предложенная Т. Парсонсом. В данной концепции акцент был сделан на позитивной функции дифференциации половых ролей в семье, которые делятся на экспрессивные и инструментальные. Задача экспрессивной роли заключается в установлении внутреннего баланса в семье — это роль домохозяйки, задача инструментальной роли заключается в регуляции

отношений между семьей и другими социальными структурами, это – роль добытчика. Далее Т. Парсонс, как подчеркивает О.А. Воронина, делает естественный для традиционного биодетерминистского сознания вывод: роль инструментального лидера в семье всегда принадлежит мужчине, а роль экспрессивного лидера — женщине. Объясняется это тем, что рождение детей и уход за ними создает строгую презумпцию первичности отношений матери к маленькому ребенку. Первичность отношений матери к ребенку ведет к тому, что мужчина, уstraненный от этих биологических функций, должен специализироваться в альтернативном инструментальном направлении

Профессиональная деятельность мужчины имеет чрезвычайное значение для семьи не только потому, что является источником средств существования для семьи, но и потому, что величина дохода и престижность работы мужчины определяют социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом. Для женщин основным является статус жены, матери и личности ответственной за домашнее хозяйство. Социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины ее — подчиненную роль. Такое распределение ролей объясняется Т. Парсонсом глубоко функциональным, поскольку в системе устраняется возможность разрушительного для семьи соревнования между супругами за власть, статус и престиж.

В концепции Т. Парсонса обосновывается целесообразность принципа взаимодополнительности мужских и женских ролей, однако, как подчеркивает И.С. Кон «феминистская критика показала, что в основе дихотомии инструментальности и экспрессивности, при всей ее эмпирической и житейской убедительности, лежат не столько природные половые различия, сколько социальные нормы, следование которым стесняет индивидуальное саморазвитие и самовыражение женщин и мужчин».

Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано и поэтому считается естественным и нормальным. Воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды конструируют и гендерные различия и обусловленные ими системы господства и властвования [6, с. 72-77].

Гендер обеспечивает все области человеческого существования; он неоднозначен в биологическом и социальном аспектах. Пол как биологический фактор (sexus) — это совокупность контрастирующих

признаков особей одного вида: генетических, гормональных и морфологических. В социальном плане пол (gender) — это комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающий индивиду личностный, социальный и правовой статус мужчины либо женщины [4, с. 146-174].

Представления о мужественности и женственности и присущих им свойствах имеют место в каждой культуре, им отводится существенное пространство в обрядах, фольклоре, мифологическом сознании, «наивной картине мира». Вместе с тем, стереотипизация и ценностная шкала гендера не одинаковы в разных культурах. Так же различаются социальные роли мужчин и женщин. Они, как правило, регламентированы; такая регламентация стереотипизируется, а затем функционирует в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное». Одним и тем же действиям человека в зависимости от его пола придается различное содержание в разных культурах; одно и то же содержание находит различное выражение в поступках.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Русский эрос, или Философия любви в России. — М.: Прогресс. — 1991. — С. 232-265.
2. Булгаков С. Н. Свет невечерний // Русский эрос, или Философия любви в России. — М.: Прогресс. — 1991. — С. 307-315.
3. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека // Человек в системе наук. — М., 1989. — С. 171-189.
4. Горчакова В. Г. Прикладная имджелогия / В.Г. Горчакова. — М. : Академ. проект, 2007. — С. 146-174.
5. Ильиных С. А. Влияние гендера на картину мира: опыт социологического исследования // Социология : методология, методы, мат. моделирование. — 2009. — № 28. — С. 66–86.
6. Клецина И. С. Психология гендерных отношений: Теория и практика. — СПб.: Алетея, 2004. — 386 с.

ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ

Иващенко Татьяна Сергеевна

*кандидат культурологи, доцент кафедры истории ЮГУ,
г. Ханты-Мансийск
E-mail: poom@bk.ru*

Сегодня трудно представить деловую и даже частную жизнь без использования компьютера. Став вначале накопителем огромного текстового и визуального массива, сетевые ресурсы обретают все новые перспективы развития. Возможности компьютеризации индивидуальной и общественной жизни являются мощным детерминирующим потенциалом культуры. Так, уже на государственном уровне осуществляется программа «электронный гражданин», направленная на активное внедрение в социальные практики компьютерных технологий [5].

Поскольку разработка технических характеристик этой важной сферы жизни осуществляется темпами, опережающими осмысление новаций, психологический фон современности порой определяется оппозицией «протехно» и «антитехно». Начиная с 1960-х годов, все более актуальной становится проблема существования книжной культуры в условиях экспансии экрана, заменяющего линейное, логическое повествование дискретным, клиповым восприятием. Использование дисплея компьютера в качестве форматированной страницы вербального текста и активное внедрение в повседневную практику электронных «ридеров» можно считать некоторым компромиссом в оппозиции книги и экрана. Собственно, суть противостояния остается, но обретает новые формы. Соответственно, вполне закономерны различные точки зрения на перспективы использования экрана. Но еще более актуален вопрос — где границы, и каковы критерии экранной культуры?

Еще совсем недавно под этим словосочетанием подразумевалась в большей степени сфера кино и телевидения. Причем, кинематограф в основном аккумулировал и развивал выразительные, художественные качества экранной культуры. На начальном этапе были очевидны заимствования из области изобразительного искусства. Приемы построения композиции кадра, глубины пространства, светотеневой моделировки, сочетание плоскости и объема, различных фактур и т. д. во многом определялись визуальным опытом, наработанным в сфере пластических искусств [2, 3]. Так, например, замысел художественного

решения фильма Якова Протазанова «Пиковая Дама» во многом был продиктован книжными иллюстрациями Александра Бенуа к одноименной повести Пушкина.

Но вскоре стали активно формироваться и исключительно кинематографические приемы — монтажный темпо-ритм, выразительная смена планов, оптические эксперименты, а в дальнейшем и разработка звуковой среды фильма. Каждое новое техническое достижение не только расширяло художественные возможности, но в чем-то на первых порах тормозило развитие прежних достижений в области киноискусства. Звук, цвет, пропорции экрана — все это важные этапы формирования художественной выразительности экранной культуры.

Надо отметить, что, к сожалению, навыки художественного киновосприятия сегодня практически никак не включены в образовательные стратегии. Сократив часы на изучение литературы, новые образовательные стандарты не зафиксировали в базовой части учебных планов область визуальной культуры. В то время как созидательный потенциал, который всегда несла в себе литература, может быть усилен мощным ресурсом аудиовизуальных искусств. Поколение современных школьников, студентов не ориентируется ни в истории кинематографа, хотя бы отечественного, ни в приемах анализа средств художественной выразительности. В большей степени восприятие художественного фильма сводится к сюжетному повествованию. Поэтому кино все меньше воспринимается как искусство, и все более — как сфера социальной жизни, связанной с отдыхом и развлечением. Мультиплексы стали неотъемлемой частью больших торговых центров, куда постоянно устремлены людские потоки.

Сегодня экран окружает человека везде — монитор компьютера, дисплей телефона, бытовой техники, плазменные панели телевизоров, наружной рекламы. По сути, экран стал выражением различных форм социального функционирования. Общение через монитор компьютера становится прозой жизни. Азы подобной коммуникации формировались в недрах телевизионных прямых эфиров. Сегодня, безусловно, это различные формы экранной интерактивности — от обмена текстовыми сообщениями, интернет-конференций, общения по скайпу и различных форм дистанционного образования, до коллективных сетевых игр. Все это многообразие серьезным образом влияет на общекоммуникативные процессы.

Коллективное взаимодействие через экран в киберпространстве является типичным примером того, как меняется сам принцип

коммуникации. По сути, все участвуют в наращивании единого гипертекста. Это уже не суммирование или смешение оцифрованных посланий. В большей степени это полилог с открытым в бесконечность как по времени, так и по тематике, артикулированием. Отсутствие целей и границ подобной коммуникации делают ее все более виртуальной и эфемерной. Не случайно весьма характерной приметой интернет-общения стало использование образов-масок, с придуманными биографиями, типовым поведением, которые дают возможность участникам скорее играть в общение, порой весьма артистично и убедительно, и неотъемлемой частью этой игры является экран.

Подобная амбивалентность стирает границы художественно-эстетической и социальной активности. Сегодня мощный коммуникативный потенциал накапливается в сфере интерактивного искусства, по поводу которого еще только начинает разворачиваться полемика. Так, на смену литературе приходит «сетература», где наряду с индивидуальной, предполагается развитие и коллективной интерактивности, также связанной в большей степени с формами социального поведения. Необходимость включиться в процесс — это проявление своей готовности к общению, участию в каком-то общем проекте.

Довольно противоречивой в плане определения соотношения социальных и художественных характеристик стала перспектива развития интерактивного кинематографа [4, с. 5-11]. Промежуточным звеном, ярко демонстрирующим новый вектор развития экранной культуры, можно считать проект «братьев по манифесту» Догмы 95 — Ларса фон Триера, Томаса Виттенберга, Кристиана Левринга и Серена Краг-Якобсена — «Д-день». Замысел реализовывался в режиме реального времени, «начавшись за полтора часа до празднования Нового года — 2000 и завершившись через полчаса после его наступления. Был разработан общий сюжет об ограблении банка, в котором участвовали четыре персонажа. Фильмы снимались одновременно, без репетиций, и сразу транслировались по четырем каналам датского ТВ...» [1, с. 139] Таким образом, в основе интерактивности — импровизация актеров в реальном времени, а зритель-монтажер, управляет этим действием при помощи переключения телеканалов.

Мы находимся в начале сложных новаций. Сегодня в интерактивных киноэкспериментах зрителям предлагают выбор варианта финала фильма по итогам sms-голосований. Это уже довольно яркий пример коллективного давления, напрямую связанного с новой расстановкой приоритетов в пользу

стимулирования не столько индивидуальной, сколько групповой активности. Само ощущение причастности к коллективной победе или проигрышу в плане самореализации позволяет отметить черты более характерные для спортивной состязательности, и, соответственно, социальности, нежели индивидуального художественного возрастания.

Важным остается вопрос о технических новациях в области экранных искусств. В сочетании с изощренной художественной зрелищностью формируется колоссальный по своим суггестивным возможностям виртуальный мир. Соответственно, возрастает зависимость от всевозможных технологий манипулирования не только сознанием, но подсознанием человека. Не случайно сегодня активно исследуется проблема трансгрессии человека, все более преодолевающего свою биологическую данность в направлении компьютеризации сознания и программированного поведения. Подобные неконтролируемые эксперименты с визуальностью могут стать серьезной угрозой не только социальной адекватности, но и сохранению в человеке человеческого. Поэтому так важно обратить особое внимание на разработку образовательных программ, направленных на знакомство с потенциальными возможностями и проблемами экранной культуры.

Суммируя все сказанное, можно сделать вывод о весьма условном делении функций экрана на художественные и социальные. Причем, границы такого деления становятся все более подвижными и неопределенными. Экранная культура — это универсальная по своим коммуникативным возможностям аудиовизуальная система. Мы еще не совсем осознаем, насколько важно понимание этого потенциала с точки зрения перспектив существования культуры.

Список литературы:

1. Долин А. КИНОТЕКСТЫ. Ларс фон Триер. Контрольные работы. Анализ, интервью. Догвилль, сценарий. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 206 с.
2. История отечественного кино. — М.: Прогресс-Традиция, 2005. — 528 с.
3. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. — Таллин, «Александра», 1994. — 216 с.
4. Сокуров А. Интерактивное кино – это воспитание зрителя-лентяя (беседу ведет А. Вяльмяэ) // Киноведческие записки. — 2010. — № 96.
5. Электронный гражданин: официальный учебный курс. Учебник. — М.: ООО «Исидизль», 2011. — 272 с.

РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ИСЛАНДИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Табаченков Владимир Валерьевич

студент 5 курса ПГПУ им. В.Г. Белинского, г. Пенза

E-mail: zephyr13@mail.ru

Ягов Олег Васильевич

д-р. ист. наук, профессор, ПГПУ им. В.Г. Белинского, г. Пенза

E-mail: yagovdom@mail.ru

Данная тема весьма **актуальна** сегодня, т. к. развитие исландской культуры на современном этапе открывает новые возможности для расширения связей с современной Россией. В первое десятилетие XXI века Исландия стала проводить многочисленные выставки живописи и других экспонатов в российских музеях, фотовыставки, кинофестивали, музыкальные концерты.

Современная музыка Исландии — необычное сочетание различных направлений. Исландские исполнители очень любят российскую публику и часто приезжают в нашу страну с гастрольями. Известная во всем мире певица, актриса, композитор и продюсер Бьёрк Гвюдмюндсдоуттир питает глубокие чувства к нашей стране. Бьёрк — главное культурное достояние Исландии, ее «основной музыкальный экспорт». Многие люди во всем мире знакомятся с древнейшей и настоящей культурой страны благодаря ей. В рамках одного из своего мирового турне певица устроила настоящий карнавал во время московского выступления. Шоу состоялось 17 июля 2003 г. в столичном спорткомплексе «Олимпийский» [1].

Российские музыкальные коллективы также с удовольствием дают концерты в городах Исландии. Так, 21 — 26 марта 2008 г. при активном организационном сопровождении Посольства России в Исландии состоялась гастроль Камерного хора Государственной Третьяковской галереи. Хор гастролировал в составе из 16 человек под руководством заслуженного артиста России А. Пузакова. Поездка наших артистов по Исландии стала настоящим событием в культурной жизни страны и внесла большой вклад в развитие культурных связей между Россией и Исландией.

В области фотоискусства Исландия является лидером среди стран Северной Европы. Российские фотографы и их исландские коллеги в последнее время стали все плотнее сотрудничать. Одним из последних

совместных работ является фотопроjekt «Послание» [6]. Первая выставка российско-исландского фотопроекта проходила в Доме архитектора в Нижнем Новгороде с 22 по 12 мая 2010 г. Проект, авторами которого выступают нижегородский фотохудожник Наталья Планкина и исландский дизайнер Жанна Йонссон, был задуман как серия тематических выставок в городах России, Исландии и других стран Северной Европы. Основным мотивом проекта является тема ожидания как перманентного состояния сознания современного человека, независимо от его национальности, страны проживания и вероисповедания.

Развитие кинематографических связей между нашими странами также достигло к началу XXI века высокого уровня. Проводятся ежегодно по несколько совместных проектов. Например, с 14 по 19 ноября 2010 г. в Москве и с 18 по 21 ноября в Санкт-Петербурге проходили «Дни исландского кино в России» [3]. В рамках этого мероприятия состоялось показы как новых, так и старых кинолент уже получивших мировое признание режиссеров во главе с мэтром исландского кино Фридриком Тоуром Фридрикссоном. Огромный международный успех, самый большой за всю историю исландского кино, принес Фридрикссону фильм 1991 года «Дети природы». Этот фильм был удостоен премии международного Московского кинофестиваля 1993 года. В 2004 г. режиссер снова приезжал в Москву представлять свой фильм «Найсландия» в конкурсе фестиваля «Лики любви».

Изучение русской литературы и русского языка сегодня является модным трендом среди исландской интеллигенции. 26 мая 2008 г. в рамках празднования «Дней славянской письменности и культуры» и «года русского языка» в Исландии, состоялось вручение дипломов российским послом исландским детям, изучающим русский язык в школе русского языка «Модурмауль» [7]. В Исландии очень любят русскую литературу, и в подтверждение этому следует отметить, что 25 ноября 2009 г. в помещении Музея древних рукописей Исландии состоялась торжественная церемония презентации перевода классического произведения древнерусской литературы — «Повести временных лет» — на исландский язык. Его автором является ведущий исландский русист Анри Бергманн [4].

В январе 2010 года был дан старт новому совместному проекту Посольства России в Исландии, Института иностранных языков под патронатом бывшего президента Исландии Вигдис Финнбогатоттир и отделения русского языка и литературы Университета Исландии. С января по май 2010 г. в зале приемов российской дипмиссии с лекциями по русской культуре для исландских слушателей выступали местные

историки, искусствоведы, филологи и культурологи. Проект был приурочен к празднованию столетия Университета Исландии [2].

Исландия, наряду с другими странами Европы широко отметила 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Посольство России провело ряд праздничных мероприятий, посвященных этому событию. К примеру, 6 мая 2010 г. в Свято-Николаевском приходе РПЦ в Рейкьявике состоялся обряд освящения георгиевских ленточек. В тот же день в Обществе исландско-российских культурных связей «МИР» была организована выставка фотографий военных лет, а также прошёл показ документального фильма «Великая отечественная» режиссёра Р. Кармена. В рамках празднования знаменательного дня, Посольство России и представители местной русскоязычной диаспоры возложили цветы к могиле советского моряка А. Малей. Важно отметить, что 5 января 2011 г. Посол России в Исландии А.В. Цыганов от имени президента Российской Федерации Д.А. Медведева вручил президенту Исландии О.Р. Гримссону памятную медаль «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», диплом российского оргкомитета «Победа» и нагрудный знак [5].

С возобновлением в 2007 г. преподавания в высшей школе Исландии система изучения русского стала более полной и состоит на данный момент из трех уровней: школьное образование (русский язык преподается на факультативной основе без государственного финансирования при наличии желающих в четырех колледжах страны), вузовское образование (более 20 студентов, изучающих русский язык в Университете Исландии), языковые курсы вне системы гособразования [9].

В Исландии с начала XXI века стал действовать православный приход. В 2001 г. в Рейкьявике усилиями наших соотечественников был зарегистрирован Свято-Николаевский приход Русской Православной Церкви. В январе 2005 г. указом патриарха Алексия II в приход назначен постоянный настоятель — священник отец Тимофей Золотуский, а 12 мая 2011 г. состоялась церемония освящения закладного камня первого православного храма в Рейкьявике. На церемонии присутствовал лично Президент Исландии О.Р. Гримссон и заместитель Председателя Государственной Думы Российской Федерации Л.К. Слиска, которая на память об этом знаменательном дне передала в дар приходу образ заступника Русского Севера святителя Геннадия Новгородского [6].

В заключении хотелось бы отметить и еще один из важнейших пунктов культурного сотрудничества России и Исландии — туризм. Поток туристов, посещающий этот удивительный край, возрастает с каждым годом. 25 октября 2011 года в Москве состоялось подписание

российско-исландского межправительственного соглашения о сотрудничестве в сфере туризма. Соглашение подписали с российской стороны — руководитель Ростуризма А. Радьков, с исландской — Министр промышленности, энергетики и туризма Исландии К. Юлиусдоттир.

Таким образом, можно с большой уверенностью говорить о взаимном развитии двустороннего сотрудничества в сфере культуры, науки, религии, образования и туризма между Российской Федерацией и Республикой Исландия. Наши страны имеют давние культурные связи, которые, несомненно, эволюционируют в лучшую сторону, особенно в XXI веке.

Список литературы:

1. Барабаш Е. Бьорк положила глаз на Булгакова // Независимая газета. — 18.07. 2003. — № 145 (2978).
2. Исландцы исландцам о русской культуре. Информация Посольства Российской Федерации в Республике Исландия. 2011. 20 янв. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.iceland.mid.ru/mer-07_ru.html(дата обращения: 31.10.2011).
3. Кадры фьордов и вулканов // VZ.RU: ежедн. Интернет-изд. 2011. 28 мар. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.vz.ru/culture/2011/3/28/479221.html> (дата обращения 19.11.2011).
4. О вручении Ордена дружбы исландскому филологу А. Бергманну. Информация Посольства Российской Федерации в Республике Исландия. 2010. 11 июн. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL:http://www.iceland.mid.ru/mer-14_ru.html (дата обращения: 09.09.2011).
5. О мероприятиях в Исландии, посвященных 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Информация Посольства Российской Федерации в Республике Исландия. 2010. 6 мая. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL:http://www.iceland.mid.ru/mer-12_ru.html (дата обращения: 30.11.2011).
6. Об официальном визите делегации Государственной Думы РФ. Информация Посольства Российской Федерации в Республике Исландия. 2011. 11 мая. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.iceland.mid.ru/mer-19_ru.html (дата обращения: 29.11.2011).
7. По данным официального сайта Московского Патриархата. [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/251685.html> (дата обращения: 08.09.2011).
8. Российско-исландский фотопроjekt «Послание». [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.photogorky.ru/news.php?id=233> (дата обращения: 30.11.2011).
9. Reykjavik. UNESCO city of literature. Reykjavik.: Department of Culture and Tourism, 2011.P. 61.

ПОПЫТКА КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «ВОЗРОЖДЕНИЕ» В ФОКУСЕ ПОСТИЖЕНИЯ ОСНОВ РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Шемякина Мария Константиновна

*канд. филол. наук, доцент кафедры теории и истории культуры,
Белгородский государственный институт культуры и искусств,
г. Белгород*

E-mail: mary-ru2004@mail.ru

Среди проблем, обращающих на себя внимание современных исследователей, всё большее значение приобретают те, которые связаны с категориями гуманитарного порядка. В специфике культурологического изучения важно отметить, что в текущем временном периоде в ряду наиболее актуальных вопросов русской действительности все чаще поднимаются темы, связанные с рассмотрением вневременных идей-символов русской культуры, важнейшее место в среде которых занимает концепт «возрождение».

Сложность комплексного изучения концепта «возрождение» состоит в том, что данный феномен бытует в культурном пространстве не только в виде традиционно выделяемого спектра разнообразных эмпирических практик, находящихся непосредственные формы воплощения в культуре, но и в качестве спектра понятийных комплексов, объединенных общей семантикой «возрождение».

Понятие «возрождение» (как и синонимы: «воскресение», «обновление», «воссоздание») в языке гуманитарной науки выступает для обозначения «объекта» исследования (эмпирического культурного фенотипа, или вырабатываемой в ходе исследования его модели). Вместе с тем, «возрождение» используется в контекстах, не имеющих напрямую отношения к эмпирическим жизненным практикам, то есть применяется для описания вещей, не связанных в нашем сознании напрямую с бытийными категориями.

В большинстве случаев «возрождение» используется не только как эмпирический пример или метафора, в частном порядке иллюстрирующая положение той или иной концепции, а вплетается в саму ткань научного дискурса, организует многоаспектные развертывания аналитической мысли. В этом случае понятие «возрождение» не имеет эмпирической референции, но отсылает к иной области бытования культуры. Это обуславливает рассмотрение «возрождения» как «феномена культуры», реализующегося на ментальном уровне культурных архетипов, моделей, образов,

познавательных конструктов, представляющих неотъемлемую часть самой культуры.

Рассмотрение сформировавшегося представления о русской национальной культуре в контексте реализации концепта «возрождение» тем более важно и актуально сегодня, поскольку этнический материал способствует конструированию нового типа отношений между субъектами культуры, способствующих реализации центральных этноформирующих задач функционирования системы русской культуры в целом в ее стремлении сформировать не столько носителя культуры, сколько активного субъекта нравственного действия, транслирующего лучшие достижения исконной для себя культуры.

Определяя духовно-нравственный компонент русской культуры в качестве определяющего центральные ориентиры ее развития, согласимся в размышлении с Н.И. Яковкиной, отмечающей, что «история русской культуры является неотъемлемой частью прошлого нашей родины. Изучение культурного процесса, особенностей духовной жизни и бытовых традиций значительно обогащает наше представление об определенном этапе исторического развития» [4, с. 5]. И это представление о частном, естественным образом соединяясь, дает понимание развития страны, ее культуры в целом, определяет постижение закономерностей этого развития и его обязательно повторяющихся элементов.

Основным материалом для анализа в работе определена традиционная культура русского народа. Причина такого выбора заключается в том, что в силу ряда исторических причин, давно отмеченных исследователями, именно традиционная культура взяла на себя роль синтезирующего духовного и аксиологического основания культуры русской.

Традиционная культура русского народа в таком ракурсе осмысления становится особой областью художественного (образного) выражения в спектре духовных оснований русского мира, определяется органичной частью русской культуры в целом. Она является естественным выражением духа народа, его ментальности и духовности.

В центральных направлениях выражения русской традиционной культуры (традиционном календаре и обрядовой культуре, в системе художественной традиции русского народа, в поэтике традиционного устного народного творчества) происходили процессы выработки широкого спектра идей постижения и бытийного утверждения

концепта «возрождение», новых идей и архетипного понимания аксиологических основ специфики его характера.

Стоит заметить, что рассмотрение традиционной культуры особенно актуально в современном культурологическом знании в связи с совокупностью обстоятельств реального времени, неординарностью исторического момента, который переживает наше общество. И это тем более важно, поскольку в моменты кризисов, социальных реформ и всякого рода изменений общественность всегда обращается к своему культурному жизнеобеспечивающему базису — традиции.

Традиция будет выступать в качестве гаранта воспроизводимости существующих связей, вечным двигателем возрождения установленных миром законов бытия. При этом регламентации традиций будут подвержены все сферы жизни человека — от сакральных, смыслообразующих, деятельностных компонентов (картина мира, представления о жизни и смерти, религиозные воззрения) до обыденных, повседневных забот.

Механизм действия традиции обладал и продолжает обладать способностью возрождать и одновременно трансформировать этнические утвержденные в истории культурные стереотипы и формы. По сути, в этой трансляции и обретает свою жизнь и смысл любое определение феномена культурной традиции.

Традиционная культура русского народа, являясь культурой передаваемой в устной традиции в условиях коллективной практики, осуществляемой в самых разных пространственно-временных масштабах (от десятилетий до столетий, от малых (субкультурных) образований до национальных общностей), выступает естественным образом в качестве механизма сохранения, воспроизводства и передачи, а также обновления социально значимого опыта.

Традиционная культура представляет собой форму и способ выражения всех категорий и характеристик жизни народа. Самобытность ее функционирования определялась наличием высоких духовно-нравственных ценностей, открывающихся в этических нормах, добродетелях, духовных и материальных памятниках с приоритетом первых.

При этом абсолютно все структурные составляющие, как справедливо отметит Т.И. Бакланова, «неразрывно связаны с представлениями того или иного народа о мире, с особенностями его национального характера и творческих устремлений», включают «систему воплощенных в художественных образах базовых духовно-

нравственных ценностей и идеалов», сложившихся и передаваемых из поколения в поколение форм и приемов создания, сохранения и распространения художественных ценностей, форм бытования произведений народного творчества, способных при необходимости реализовать концепт воссоздания культуры [3, с. 35].

Традиционная культура в своей цельности предстает сложным, многоуровневым явлением (сложная структура, проявляющаяся в материальных и духовных культурных реалиях). Гармоничность составляющих ее элементов дает представление о целостности и совершенной организации ее структурных компонентов, возникающих на основе бытового и бытийного в жизни народа. Бытовое, закрепляемое в формах семейно-социального и трудового (земледельческого) жизнеустройства, и бытийное, выражаемое в основных образно-целостных смыслах духовной жизни.

Обряды, обычаи, ритуалы, знания, ценности в единстве своего проявления составляют стержень традиционной культуры русского народа, становятся в культуре уникальным культурным наследием, основанием бытовой практики и художественного творчества народа, передающимся из поколения в поколение и сохраняющимся в течение длительного времени посредством традиции.

Так, циклический принцип разворачивания времени (с равноположенностью прошлого, настоящего и будущего) приобретет в земледельческом календаре универсальную форму возрождающегося мира. А та же созидательная функция смеха в праздничной культуре и семейно-бытовом обряде, по аргументированному замечанию М.М. Бахтина, докажет его универсальный и мирозерцательный характер, формирующий особое мировосприятие человека традиционной культуры [1, с. 14].

Традиционная культура отразит понятие не индивидуального бытия, а коллективного устроения жизни — основной характеристики любого начинания в данной области человеческой и национальной деятельности. Коллективное сознание, выражаемое в самосознании народа, подразумевает выход к категориям его духовной жизни. В свою очередь, «дух народа» символизирует его смысл и идею, основы существования и чувствования, раскрывается в типологии его состава, отражает сущность народа во всей совокупности его реакций на обстоятельства и объективно данные ему отношения.

Можно сказать, что традиционная культура в генезисе своего развития не только закрепит, но и усилит закономерности развития русской культуры. Не случайно традиционная культура определится в качестве системы ограничений, ставших внутренними принципами

человеческого поведения, творчества, любой значимой деятельности. Переживая те же, что и вся русская культура, переломные этапы, традиционная культура реализует ее генеральное устремление — в культуре ничто не умирает, актуализируясь в определенные периоды своего существования, детерминируясь самой традицией.

Об этом феномене традиционной культуры справедливо заметит В.В. Касьянов мысль о том, что именно «традиции и обычаи сохраняют в обществе состояние равновесия и устойчивости» [2, с. 26].

Таким образом, вся традиционная культура в специфике выражения своих характеристик должна быть рассмотрена своеобразным механизмом воплощения концепта «возрождение», саморазвивающегося и самодавящего, поскольку именно в традиционной культуре как носителе аксиологических культурных универсалий отразится культурная модель мира русского народа, будет искать опору все элементы культурной системы общества.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса/ М.М. Бахтин. — 2-е изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
2. Касьянов В. В. Культурология: Учебное пособие для высшей школы/ В.В. Касьянов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 574 с.
3. Народная художественная культура: Учебник/ Под.ред Баклановой Т.И., Стрельцовой Е. Ю. — М.: МГУКИ, 2000. — 344 с.
4. Яковкина Н.И. История русской культуры: XIX век/ Н.И. Яковкина. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во «Лань», 2002. — 576 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИНОНИМИКО-ВАРИАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИЧИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гареева Лилия Махмутовна
аспирант ЧГПУ, г. Челябинск
E-mail: liliyagareeva@yandex.ru

Синонимия и вариативность языковых единиц обусловлены различными факторами: прагматической направленностью языковой коммуникации, постоянным развитием и совершенствованием языковых средств, развитием его стилистических функций. Явления синонимии и вариативности встречаются и среди всех типов предлогов.

Мы разграничиваем синонимичные и варианты предлоги по нескольким основаниям. Синонимичными предлогами мы считаем релятивные единицы, тождественные или близкие по смыслу, имеющие полностью или частично совпадающую сочетаемость слева (с управляющим словом) и справа (с управляемым словом), чаще всего выражающие одинаковые падежные значения, которые могут отличаться друг от друга какими-либо семантическими признаками или стилистической принадлежностью и не всегда могут быть взаимозаменяемы. Вариантными мы считаем предлоги, абсолютно идентичные по своему лексическому значению, стилистической окраске, сочетаемости и способные заменять друг друга в любом контексте.

В группе предлогов, выражающих причинные отношения, мы выделили несколько синонимических и синонимико-вариационных рядов.

1. Предлоги со значением указания на непосредственную причину чего-либо: **из-за** (кого, чего) — в 4-м значении (Здесь и далее значения предлогов см. МАС) [1], **от** (чего) — в 6-м значении, **ввиду** (чего), **силой** / **силою** (чего), **по причине** (чего), **в силу** (чего), **на почве** (чего). *Ввиду__однообразия чисел, практика выработала много терминов и смехотворных прозвищ* (А.П. Чехов. Детвора). *Это было чувство лошади, которой **силою** чуда даровано человеческое сознание и ум в тот самый миг, когда кнут полосует ее спину* (Л. Андреев. Рассказ о Сергее Петровиче). Каждая из этих единиц имеет свои дифференциальные признаки, кроме предлогов **силой** (чего) — **силою** (чего), являющихся фонетическими вариантами. Данный ряд является синонимико-вариационным.

2. Предлоги, употребляющиеся при указании на положительную причину совершения действия: **благодаря** (кому, чему) — в 1-м значении, **по милости** (кого, чего) — в 1-м значении. Оба предлога выражают причинно-следственные отношения, то есть указывают на причину, вызывающую положительный результат. Данные единицы являются синонимичными, а не вариантными, так как имеют частично совпадающую сочетаемость, оформляют разные падежи, не всегда могут быть взаимозаменяемы. Предлог **благодаря** (кому, чему) употребляется как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, как с конкретным, так и с отвлеченным значением. *Они познакомились **благодаря** общему другу, который предложил Ксении и Олегу съездить на выходные в Санкт-Петербург* (Cosmopolitan. 2007, октябрь). *Мадемуазель Шанель прославилась **благодаря** стилю, возвеличивавшему женскую независимость и свободу* (Я покупаю. 2009, март). Предлог **по милости** (кого, чего) употребляется преимущественно с одушевленными существительными. *По милости римлян появился местный хлеб, посыпанный кунжутными семечками* (Крылья News. 2009, апрель). Предлог **благодаря** (кому, чему) является гораздо более частотным.

3. Предлоги, употребляющиеся при указании на отрицательную причину совершения действия: **благодаря** (кому, чему) — во 2-м значении, **по милости** (кого, чего) — в 2-м значении, **по вине** (кого, чего). Первые два предлога имеют в своей семантике элемент переносного значения, которого нет в предлоге **по вине** (кого, чего). *Русые волосы, по крайней мере, все те, которые остались в целости, превратились в лиловые **благодаря** составу, купленному на Роменской конной ярмарке у жида, выдававшего себя за армянина* (И.С. Тургенев. Записки охотника). *В Санкт-Петербурге такой же,*

лишенный сна **по вине** веселой компании гражданин выстрелил в нарушителя тишины из ружья (Литературная газета. 2009, май). Данную группу составляют синонимичные единицы, из которых предлог **благодаря** (кому, чему), как и в предыдущем ряду, является наиболее употребительным.

4. Предлоги, указывающие на вынужденную причину действия: **за неимением** (кого, чего), **за отсутствием** (кого, чего). *На другой день после своего возвращения Пантелей Еремеич призвал к себе Перфишку и, за неимением другого собеседника, принялся рассказывать ему — не теряя, конечно, чувства собственного достоинства и басом, — каким образом ему удалось отыскать Малек-Аделя* (И.С. Тургенев. Записки охотника). *В 1956 году писатель, много лет проведший в лагерях, был реабилитирован за отсутствием состава преступления* (Литературная газета. 2009, май). Данные предлоги мы считаем вариантными, так как они полностью совпадают по лексическому значению, оба являются книжными, оформляют один падеж (родительный), могут сочетаться как с неодушевленными, так и с одушевленными существительными и могут заменять друг друга в разных контекстах.

5. Предлоги со значением указания на внешнюю вынужденную причину действия: **под влиянием** (кого, чего), **под воздействием** (кого, чего), **под давлением** (кого, чего), **под действием** (кого, чего), **под натиском** (кого, чего). *Брежнев некоторое время задумчиво молчал, а затем — видимо, под влиянием возникшей ассоциации — перевел разговор на ленинскую теорию отражения* (В. Пелевин. Бубен нижнего мира). *В 2005 году под натиском оппозиции норма о досрочном голосовании на региональном и федеральном уровне была изъята из закона* (Коммерсант. 2009, апрель). Предлоги **под воздействием** (кого, чего) и **под действием** (чего) мы считаем словообразовательными вариантами, так как они имеют общий корень в главном компоненте, обладают тождественным значением, сочетаемостью и могут заменять друг друга в различных контекстах. Остальные единицы данного синонимико-вариационного ряда имеют семантические различия по степени интенсивности воздействия и различия в сочетаемости: предлог **под натиском** (кого, чего) обозначает наиболее сильное внешнее влияние на объект, сочетается чаще с одушевленными или собирательными существительными, тогда как остальные единицы имеют более широкую сочетаемость. Они не всегда могут быть взаимозаменяемы.

6. Предлоги со значением указания на вымышленную причину чего-либо: **под предлогом** (чего), **под видом** (чего) — во 2-м значении.

Дубровский **под предлогом** головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей [Маше] украдкой записку (А.С. Пушкин. Дубровский). Но советы его [Распутина] подавались **под видом** «пророчеств», «откровений» и «сновидений» (В. Пикуль. Нечистая сила). Данные предлоги мы определяем как переходные явления от синонимических единиц к вариантным. Можно отметить также, что единица **под предлогом** (кого, чего) употребляется гораздо чаще, чем предлог **под видом** (кого, чего) со значением вымышленной причины.

7. Предлоги, указывающие на какое-либо действие, событие, являющееся причиной для совершения другого действия, события: **по случаю** (чего) — в 1-м значении, **по поводу** (чего) — в 1-м значении, **в связи с** (чем), **в ознаменование** (чего). *Первая леди США Мишель Обама стала главной звездой на торжественной церемонии по случаю открытия после реставрации «Американского крыла» в музеем нью-йоркском музее «Метрополитен»* (Известия. 2009, май). *Между тем маневры в ознаменование открытия памятника подходили к концу* (Л. Третьякова. Российские богини). Каждая из этих единиц имеет свои дифференциальные признаки, отличающие ее от других единиц ряда. Фразеологические предлоги **по случаю** (чего) — в 1-м значении, **по поводу** (чего) — в 1-м значении, **в ознаменование** (чего) чаще всего указывают на знаменательное событие, послужившее причиной для какого-либо действия, события. Предлог **в связи с** (чем) обладает более широким значением, сочетаемостью и является самым частотным. Все единицы ряда употребляются чаще в письменной речи, особенно в публицистике.

8. Предлоги, употребляющиеся при указании на причину, ведущую к определенному результату (с оттенком следствия): **вследствие** (чего), **в результате** (чего), **в итоге** (чего). *Замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии* (С.М. Соловьев. Чтения и рассказы по истории России). *Добыть жену можно было или боем, или в итоге длительных переговоров* (Свадебный вальс. 2008, январь-февраль). Данные единицы обладают общим причинно-следственным значением, но разной сочетаемостью. Так, предлоги **вследствие** (чего) и **в результате** (чего) могут сочетаться с существительным *дождь*. Ср.: **В результате проливных дождей была прорвана дамба хранилища отходов из угольной шахты** (Российская газета. 2010, октябрь). В данном контексте фразеологизм **в результате** (чего) можно заменить лексическим предлогом **вследствие** (чего) без ущерба для смысла, а синонимический предлог **в итоге** (чего) здесь употребить не представляется возможным. Таким

образом, данные единицы не всегда взаимозаменяемы и не являются вариантами одного предлога. Предлог *в результате* (чего) имеет самую широкую сочетаемость и является наиболее распространенным.

Явления синонимии и вариантности предлогов так же закономерны, как и среди других частей речи, так как предлоги тоже являются значимыми единицами языка, хотя их семантика проявляется специфически, в органической связи со значением имени. Употребление разных предлогов позволяет передавать тонкие смысловые и стилистические оттенки отношений между словами, поэтому изучение данных языковых явлений весьма актуально.

Список литературы:

1. Малый академический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1999. — Т. 1-4.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР

Дамба Валерия Семис-ооловна

учитель русского языка и литературы МОУ СОШ, с. Эрзин,

Республики Тыва

E-mail: Dvs1966@mail.ru

Сегодня вопросы двуязычия рассматриваются в литературе с разных позиций, в зависимости от целей исследования. Проанализировав информацию, представленную в научных статьях, исследованиях современных ученых разных направлений, информацию в прессе, можно выделить несколько основных аспектов этого вопроса. Один из них: По новейшим данным, около 70% населения земного шара владеют, в той или иной степени, двумя или более языками (мультилингвизм, многоязычие). На сегодняшний день в мире существует 40 стран, где два языка (или три, а в Сингапуре даже четыре) являются государственными языками (в 1990-х годах таких стран было 35). Двуязычие здесь тесно связано как с языковой политикой, так и с общей политикой государства, поскольку существование в стране двух официальных языков затрагивает интересы всего населения. Во времена Советского Союза по вопросам двуязычия был накоплен огромный материал, так как народы

пятнадцати республик обязательно изучали русский язык наравне со своим родным языком [2].

Поэтому перед учителями появилась проблема преподавания в условиях двуязычия: тувинского родного и русского. Следовательно, появилась необходимость изменений, обновлений в области методики преподавания. По этому поводу еще в 1953 году сказал отечественный языковед С.Г Шаповаленко: «Предметом методики является исследование проблем: для чего учить (задачи преподавания каждому учебному предмету), чему учить (учебный предмет), как учить (преподавание) и как учиться учащийся (учение), в их неразрывной связи, в соответствии с общей целью ... воспитания и образования, с учетом возрастных особенностей учащихся и применительно к специфике наук, составляющих предмет преподавания. Свои основные усилия методика направляет на то, чтобы открыть, при каких условиях (содержание, организация и методы обучения) учащиеся успешно усваивают учебный предмет, какие изменения надлежит внести в содержание предметов и методы преподавания их, если это содержание оказывается непосильным и плохо усваивается учащимися» [3, с 242]. Руководствуясь рекомендациями Шаповаленко, уместно использовать метод сопоставления при изучении русского языка как неродного в национальных школах нашей республики.

Задача учителя, работающего в национальной школе — воспитание билингвальной личности. Для этого должны знакомить учащихся с обычаями и традициями того народа, чей язык изучаем.

Формирование полиязычия, навыков использования сопоставительного способа преподавания и изучения языков преподавателями, сопоставление языковых единиц, умения анализировать речь, ее структуру должно осуществляться посредством рациональной организации учебного материала, путем использования наглядного материала, современной технологии [2].

Актуальность этой разработки обусловлена проблемами преподавания русского языка и литературы в поликультурной среде: как заинтересовать детей к изучению языков, как помочь им постигать художественный мир другого народа, другой эпохи. В связи с этим возникает необходимость искать какие-то новые, совсем не традиционные приемы и методы. Проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур определяются не только новым уровнем науки о литературе, но и эволюцией самой литературы. Точно и современно звучит утверждение о том, что «кроме частных историй отдельных народов, есть еще история человечества».

Практическая направленность состоит в том, что необходимо и педагогически целесообразно обновление содержания уроков языка и литературы и воспитании учащихся в контексте мировой литературы и культуры. И, наконец, возможность применения любым учителем на практике своей работы.

Главной целью сопоставительного способа преподавания языков в практике обучения является

- формирование у детей знаний, умений и навыков, обеспечивающих владение языком как средством общения;
- при использовании сопоставительного способа преподавания соблюдаются основные современные педагогические принципы обучения (принцип личностноориентированного обучения, культурноориентированный и деятельноориентированный принципы).

Ожидаемые результаты:

- постепенный переход от учебно-познавательной деятельности детей к самостоятельной деятельности,
- появляется потребность в творческом поиске точек соприкосновения языков и их различий, т. е. их уникальности.

Так, из практики работы могу привести примеры.

Некоторые трудности вызывает сопоставление понятий в 5-6 классах:

По-русски **дерево** - и растение, и материал; кроме того, имеется особое слово — дрова.

В предложениях: «У дома растет высокое дерево», «В саду стоит деревянный стол», «Дядя привез дрова» все слова переводится на тувинский—**ыяш**, и растение, и материал, и дрова. Это вызывает недоумение у пятиклассников. Нужно перевести слова в каждом предложении, акцентировать внимание на оттенках значения слова, которое переводится на родной язык одинаково. Сочетания: узуун ыяш, ыяш стол, одаар ыяш. Слово «дрова» ассоциируется со словом «трава» в понимании младших школьников-тувинцев, и они часто путают их в употреблении в речи.

Слово «стол» современными тувинцами, не только детьми, но и взрослыми, переводится именно как *стол*, а не «ширээ».

Русским прилагательным твердый, жесткий, жестокий, свирепый соответствуют тувинские кадыг, каржы.

Вот лексические значения вышеприведенных русских слов.

Твердый — не поддающийся деформации, изменению при давлении, противоположность мягкого; и то, и другое более как объективное качество предметов. В прямом и переносном смысле: дуб — твердое дерево; принять твердое решение.

Жесткий — плохо податливый на ощупь, оказывающий сопротивление, противоположность мягкого: и то, и другое более как субъективное ощущение, а потому мягкий с оттенком приятного, а жесткий с оттенком неприятного. В прямом и переносном смысле: Моя постель слишком жесткая, а твоя слишком мягкая; Человек с неприятным жестким характером; Человек с приятным мягким характером.

Жестокий — сознательно не имеющий жалости и до некоторой степени испытывающий удовлетворение от причиненных страданий: жестоко сердце и, переносно, жестокие морозы.

Свирепый — стихийно не знающий жалости, а потому с оттенком страшного: свирепые лица и, переносно, свирепая эпидемия.

В первых двух случаях русские прилагательные переводятся одним тувинским словом «каржы», а следующие два — «каржы». Одно слово нужно отличить лишь в контексте, исходя из содержания высказывания.

В сопоставительном преподавании и изучении языков и культур любых народов и этносов необходимо акцентировать внимание на наглядности этого способа. Легко провести параллели при изучении и сравнении устного народного творчества, прикладного искусства, поэзии и литературы [2].

Человек, имеющий обширный материал, знания о своей родной культуре, нации, этносе, может понять, принимать другую культуру, историю, может и непременно заинтересоваться другим народом, особенностями его культурного и национального наследия. Поэтому художественное произведение должно изучаться в контексте национальной и мировой литературы. Через постижение художественного слова учащиеся должны увидеть национальную картину мира, национально-культурную специфику речевого поведения, национальный менталитет и ценностные ориентации.

Несколько лет в практике своей работы использую сопоставительное изучение русской литературы с тувинской, русской с зарубежной.

По своему усмотрению можно на уроке **сопоставить**

- по темам (в т. ч. сквозным — тема героя времени, униженных и оскорбленных, тема власти денег),
- по мотивам — дороги, мотив одиночества,
- по вечным вопросам (добра и зла, человеческих взаимоотношений)
- по типу героев, образов.

Большое внимание уделяется словарной работе и методике ее проведения. После каждого заключительного урока по теме рекомендован словарь, из которого можно почерпнуть необходимый материал [1, с 209]

Например: стихотворение М.Ю. Лермонтова «Горные вершины» и «Одинаковое» И. Гете, рубаи О. Хайяма с тувинскими пословицами, рассказ «Любовь к жизни» Д. Лондона с «Повестью о настоящем человеке» Б. Полевого, стихотворения С.А. Есенина о родине, русской изibe со стихами А. Даржая, К-Э. Кудажи, и т. д.

Пример: рубаи О. Хайяма сравнивали, сопоставили на заключительном этапе межпредметного исследовательского проекта.

Сопоставления и наблюдения сделаны по следующим критериям:

форма: содержание:

стиль тема

жанр идея

композиция проблема

ритм конфликт

Пример:

Общаясь с дураком, не оберешься срама,

Поэтому совет ты выслушай Хайяма:

Яд, мудрецом тебе предложенный, прими,

Из рук же дурака не принимай бальзама.

Перевод этого же четверостишия:

Мерген кижн хоран берзе ойталава,

Мелегей сээ дашка сунза, ону тутпа –

Хайямнын бо ийн чагыг сенээ ур-ле

Медерелдиг чурттаарынын оруу болзун!

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Чалгы оолак! Дыннап кор даан:

Чагыг бар-дыр, огбе чагыг –

Унези чок хоозун ишче сундулава,

Чуу-даа билбес мирит-биле чоокшулашпа.

Заметим, что в тувинском стихе рифмуются начальные звуки первого слова строк.

Тувинская пословица:

Бедняк перед бедностью не унизится,
 Богатому золотом не насытиться.
 Словно бабочка, труслив,
 Словно коршун, пуглив,
 Как сорока, болтлив,
 А уж глуп, как налим.

Аътты баглап ооредир,
 Аныяан сургап ооредир.
 Будуктуг яышка куш чыглыр,
 Буянный огге чон чыглыр.

На уроке это выглядело так:

рубай	пословицы
Жанр: малый поэтический жанр Стиль: афористическая мудрость, наставления, советы, критический взгляд на жизнь Ритм стиха: рифмуются 3 строки, 1-свободная	Жанр: устный жанр УНТ Стиль: мудрость народа, содержащая в себе советы, наставления, наблюдения Ритм: краткость, параллельные синтаксические конструкции

Выводы: (выводы делаются на уроке всеми вместе — учащимися всех групп с помощью учителя) пословицы, как и рубаи, отличаются краткостью, параллельными синтаксическими конструкциями, лексическими повторами — краткими формами прилагательных.

По наблюдениям **Е. Э. Бертельса, востоковеда, исследователя творчества поэта, рубаи** имеют следующие черты:

- устное распространение и бытование
- «простонародная» и «мужицкая» формы
- фольклорная основа
- исполняет роль частушки

пословицы

- малый устный жанр
- устное распространение и бытование
- фольклорная основа
- сочинение самого народа.

Мудрецы издревле утверждали, что, изучая другой язык, человек начинает лучше, тоньше разбираться в своем родном. Язык теснейше связан с национальной психологией, с самобытностью народа, его самопознанием, т.е. пониманием им самого себя в прошлом и настоящем. За каждым языком стоит целая культура, особое видение мира.

На уроках русского языка и литературы использую культуроведческий подход. **Целью** таких уроков является:

- расширить поле литературных ассоциаций и параллелей и связей, обеспечивающих интерес к чтению;
- на примере художественного произведения постичь логику чужой мысли;
- формировать толерантность, внимание к разным культурам.

При изучении темы «Лексика» провела работу со словом «семья». Предлагалось сравнить обычаи и традиции русской и тувинской семей, записать слова-обращения к членам семьи, составить сопоставительный ряд названий родственных связей в русском и тувинском языках. На дом задавалось написать сочинение «Любимая традиция моей семьи», «Как мы проводим семейный праздник», «Самый уважаемый в нашей родне».

У любой литературы есть произведения, в которых отражаются обычаи и традиции народа, национальные особенности, их менталитет. Учитель может выбрать для сопоставления и сравнения произведения, схожие по теме, по материалу, содержащему орудия труда, предметов домашней утвари, привычки и образ жизни героев — религии, морали, философии.

Научное сопоставление языков все шире признается как один из основных рациональных методов совершенствования преподавания языка. Преодолеть влияние родного языка на изучаемый — интерференцию — можно двумя способами: большой языковой практикой, особенно в соответствующем языковом коллективе, или осознанием тех различий, которые существуют между родным и изучаемым языком.

Список литературы:

1. Горбунова В. В. Изучение родных литератур в национальных школах РСФСР. — Л. — Просвещение, — 1982. — 264 с.
2. Ломова И. С. Некоторые подходы к реализации идей двуязычия в условиях современной школы. Статья: // Сеть творческих учителей. — 2004. — № 6. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.philology.ru/article.php?no=317>
3. Шаповаленко С. Г. О преодолении отставания методики как науки. Статья: «Хрестоматия по методике русского языка: Русский язык как предмет преподавания». Сост. Текучев А. В. — М. — Просвещение, — 1982. — 287 с.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ЗАГОЛОВКАХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Шалифова Ольга Николаевна

канд. филол. наук, доцент ПГСГА, г. Самара

E-mail: dekanatino@mail.ru

Родионова Виктория Михайловна

аспирант ПГСГА, г. Самара

E-mail: vtory_700@list.ru

Наше внимание привлекает проблема изучения специфики заголовка как определенного явления речи в англоязычных периодических изданиях а также анализ семантики, структуры и функций ономастической лексики в заголовках. Прежде чем приступить к анализу нашего материала, мы считаем необходимым разграничить понятия «заголовок» и «заглавие».

Толковый словарь С.И. Ожегова дает следующие определения: «заголовок — название небольшого произведения, статьи», «заглавие — название какого-нибудь произведения (литературного, музыкального) или отдельной его части» [11, с. 154].

Словарь Mass Media Dictionary дает несколько синонимов, объединенных словообразовательным компонентом head. Все они обозначают различные варианты и разновидности начального элемента печатного материала [14, с. 271-272].

“*Heading*” — a title or other matter standing at the head of a chapter, subdivision, and so on. The largest display matter of an advertisement, setting the theme of the copy. 1) заглавие, заголовок; — feature headline — предметный заголовок; 2) рубрика, раздел.

“*Headline*” — a caption, label, or other information set in a large type above a story, article, editorial, and so on. A line at the top of a page containing the name of the chapter, author, page number, and so on. A short phrase or sentence to introduce a broadcast news story. Cf. slug. 1) газетный заголовок; 2) *полигр.* — шапка.

В Большом англо-русском словаре находим:

“*Headlines*” *pl.* — *радио, ТВ* — краткое содержание последних известий.

“*Headliner*” — 1) специалист по заголовкам или их автор; 2) *амер.разг.* — человек, о котором часто пишут в газетах; 3) ходкая популярная книга.

“*Headnote*” — a brief passage at the beginning of a chapter or other subdivision of a book that introduces the author or subject matter. A summary of a legal case or administrative agency decision printed at the top of the full text. 1) краткое введение, вступительные замечания перед статьей [1, с. 123].

Поскольку мы исследуем тексты англоязычных СМИ, а именно газет, то в качестве основного принимаем термин *заголовок /headline*. Мы разделяем точку зрения, согласно которой заголовок рассматривается как целостная речевая единица, обладающая двойственной природой и актуализирующая свойства ее языковых элементов с помощью функционально-стилистических особенностей [2, с. 51-55].

Газетный заголовок исследуется в различных аспектах: в связи с проблемой определения его лингвистического статуса; в связи с изучением его структурных типов; в связи с особенностями функционирования; в связи с изучением его экспрессивности, а также в аспекте связи заголовка с содержанием газетного текста [9, с. 18—19].

Заголовок является компонентом текста, тесно связанным с другими компонентами этой системы, занимающим стилистически сильную позицию, называющим текст и дающим первоначальную информацию о нем. Заголовок текста представляет собой его в определенной мере обособленную составляющую, отделенную от основного текста как формально (характером шрифта, пропуском одной или нескольких строк), так и содержательно (к нему предъясняются особые смысловые, жанровые, стилистические требования, коррелирующие с теми, которые предъясняются к основному тексту, но не во всем с ними совпадающие). Создание заголовка к тексту предполагает знание традиции, владение соответствующими навыками, а в случае с художественными, публицистическими, рекламными текстами — творческий подход.

В зависимости от формы, стиля, жанра текста заголовок обладает разными структурно-семантическими характеристиками и выполняет разные функции. Можно выделить как универсальные, так и специфические функции заголовков [10, с. 143].

Особый интерес для нас представляет употребление и функционирование имен собственных в заголовке англоязычной прессы.

Наблюдения за эмпирическим материалом показывают, что наибольшим прагматическим потенциалом обладают те заголовки, в которых сконцентрировано максимальное количество ономастических единиц как эффективных средств привлечения внимания к тексту публикации. Ономастическая лексика функционирует в публицистическом тексте как его неотъемлемый компонент. На незначительном отрезке газетно-публицистического текста в заголовке онимы способны кодировать значительный объем информации. На фоне словесного материала, в окружении ближайшего и общего контекста, имена собственные «приращивают рече-контекстные, ассоциативные и фоновые значения», следовательно, ономастические единицы являются конструктивным элементом содержательно-смыслового пространства структуры текста [6, с. 206].

Степень частотности различных ономастических разрядов и их процентная соотношенность с числом словоупотреблений в тексте обусловлены как лингвопрагматическими параметрами, так и лингвокоммуникативной ценностью единиц и разрядов в целом, а также задачами, целями публицистического текста, его содержательными характеристиками. Преобладающим ономастическим пластом в языке газет выступают антропонимы и топонимы, а также названия учреждений и организаций. Очевидно, это обусловлено эгоцентричностью публицистического текста — интерес издателя к личности, к месту помогает привлечь внимание реципиента к тексту через события, происходящие с описываемым персонажем, местом, — информировать, а главное определенным образом воздействовать на читателя [3, с. 11-17].

Например:

1. “Hillary Clinton says Barack Obama can rebound by taking page from Bill Clinton's playbook” [15, 2010].
2. “Netanyahu and Clinton in Extended Talks on Mideast” [16, 2010].
3. “Obama backs Japan for U.N. Security Council” [17, 2010].
4. “IMF Lifts Africa Growth View” [19, 2010].
5. “NATO Will Maintain Pressure on Gadhafi” [19, 2011].
6. “Medvedev Blasts Russian System” [19, 2010].

Говоря о специфике функционирования имен собственных в газетном тексте и в его заголовке, целесообразно рассмотреть вопрос о

функциях, выполняемых заголовками как коммуникативными единицами речи.

Газетные заголовки выполняют на полосе несколько функций.

Во-первых, *номинативно-информативную функцию*, функцию сообщения о факте. По мнению многих исследователей, большинство газетных заголовков, в том числе именного характера, — это полные высказывания, а не просто назывные группы. Во-вторых, он привлекает произвольное внимание с помощью различных графических средств и позволяет отделить один текст от другого, выполняя, таким образом, *графически-выделительную функцию*, которая присуща всем заголовкам. Эта функция заголовка осуществляется, как правило, графическими средствами. В-третьих, можно говорить о *рекламно-экспрессивной функции* заголовка, тесно связанной с функцией номинативно-информативной [13, с. 205]. *Стилистическая* или *аттрактивная* функция включается в создание стилистических текстовых эффектов, *мнемоническая* функция в целом помогает чтению и запоминанию газетных публикаций [8, с. 26-44]. Некоторые авторы предлагают иное членение функций заголовка: «номинативная, информативная (включая побудительную, коммуникативную, эмоциональную, дидактическую), рекламная» [12, с. 95-126].

Итак, как видим, одни исследователи полагают, что в зависимости от жанра и стиля текста на первый план выходит то одна, то другая функция, а другие — что в зависимости от характера текста меняется весь набор функций. С нашей точки зрения, функции заглавий зависимы от целевой установки текста, его жанровой и стилистической принадлежности. Основными функциями заглавия можно считать номинативную, информативную, прагматическую и разделительную функции.

Ономастическая лексика, функционирующая в языке периодических изданий, содержит большой объем фоновой информации, что еще раз подтверждает ее *номинативную* и *информативную* функции, а также позволяет использовать ее не только в качестве сравнения, метонимии и метафоры, но и в целях создания апеллятивной перифразы, в различных ономастических играх.

В частности, среди стилистических приемов использования антропонимических именований, в периодических изданиях, можно выделить метонимические переносы, например:

1. Имя кино-героя, сценического героя — актер или актриса, исполнявшие данную роль:

“Kate Middleton has 'Marilyn Monroe moment'” [17, 2011].

Oops. The wind was not Duchess Kate's friend during Day 8 of her royal tour. As Prince William and his wife met with Canadian soldiers at Calgary Airport on Thursday, Catherine's flowing yellow Jenny Packham dress caught the breeze. It's now being called Kate's «Marilyn Monroe moment» — or mishap — reminiscent of the famous *Seven Year Itch* scene featuring Monroe in a white dress over a subway grate.

Журналист, давая этот броский и не всем читателям понятный заголовок, считает необходимым пояснить в первом абзаце статьи некую прецедентную ситуацию, а именно, аналогичный эпизод в фильме «Зуд седьмого года» с Мерелин Монро в знаменитом развевающемся белом платье.

“Chicago tourists can go underneath Marilyn Monroe's skirt” [17, 2011].

A giant statue of the legendary sex bomb in that famous *Seven Year Itch* skirt-blown-up moment was unveiled along Chicago's Magnificent Mile today, and tourists already are hot and bothered, and bewitched.

This is the new must-have photo souvenir: posing underneath the billowy skirt of Seward Johnson's 26-foot likeness, which towers over pedestrians on Michigan Avenue

2. Имя — характерный признак, особенность творчества носителя имени (манера, стиль поведения):

“Tyne Daly as Maria Callas vs. Maria Callas as Herself” [16, 2011].

Terrence McNally's 1995 play, “Master Class,” was inspired by the now legendary master classes that Maria Callas gave during the 1971-72 academic year at the Juilliard School. There were 23 two-hour sessions in all, and Callas worked with 25 students whom she had selected after listening to some 300 young singers in auditions.

3. Имя основателя или главы предприятия, учреждения — учреждение — продукция выпускаемая на предприятии:

“And the Bride Wore Armani” [16, 2011].

The crowd threw flower petals as Prince Albert II of Monaco and Princess Charlene left the palace for the Sainte Devote Church after their wedding Mass.

And when the camera moved to the bride, Charlene Wittstock, you could see Giorgio Armani. How odd was that? And they were seated behind royals and heads of state. Just advantageous placement, I guess, for a couple of lords of fashion. Karl Lagerfeld, a longtime friend of Princess Caroline — she was dressed in pale pink and a wide-brimmed hat — also attended the wedding at the palace.

На церемонии бракосочетания принца Монако белокурая красавица Шарлин была одета в классическое белое шелковое платье с длинным белым шлейфом от Армани. Автор статьи замечает, что Джорджо Армани и Карла Лагерфельда, этих двух «аристократов моды», очень удачно разместили сразу за представителями королевских домов и глав государств.

“Kenzo Picks New York Retailers to Lead” [16, 2011].

LVMH Louis Vuitton Moet Hennessy announced Tuesday that Humberto Leon and Carol Lim, founders of Opening Ceremony, will be creative directors of Kenzo. Their first collection for the Paris-based brand will be shown this fall.

Группа компаний LVMH сообщили, что Умберто Леон и Керол Лим — учредители Церемонии Открытия — станут креативными директорами компании Kenzo. Вводя в текст данные антропонимы, автор статьи дал некую расшифровку, а именно, уточнил, чем занимались эти люди, прежде чем начать работать в компании Kenzo, так как читателю, не следящему за миром моды, данные имена и фамилии людей совершенно ни о чем не говорят.

4. Названия предприятий, учреждений, обществ, объединений:

“Miu Miu Flirts with Winter” [19, 2011].

The light streaming in the windows at Miu Miu’s show was unusual for fashion week, where venues are typically pitch black — but the trees outside with their young buds were a reminder of a change of season, that spring has crept up on us during the last month of runway presentations. But spring was old news on the runway. Miu Miu was all about the thick winter coat.

Читателей, не знающих такой марки, наверняка данная статья не привлечет, только если они подумают, что речь идет о каком - то человеке (девушке) по имени Miu Miu. На самом деле, Miu Miu — это всемирно известный бренд, детище итальянского дизайнера Миучча Прада, внучки основателя марки Прада. Скорее всего, автор рассчитывал на то, что читатель хорошо осведомлен о мире моды.

“Toyota to Buy Back Plants in Production Overhaul” [16, 2011].

TOKYO — Toyota Motor announced a \$1.3 billion overhaul of its manufacturing operations in northeastern Japan on Wednesday, including the purchase of two listed units, in an attempt to improve efficiency and soften the effect of the strong yen.

Метафорические трансформации:

1. Названия предприятий, учреждений, обществ, объединений:

“Investors Seek to Bite Into a Cheaper Apple” и “Apple Eyes Bigger Slice of Chinese Market” [19, 2011].

Apple Inc. — американская корпорация, производитель персональных и планшетных компьютеров, аудио-лееров, телефонов, программного обеспечения.

Во втором заголовке присутствует рифма между словами eyes и slice, что делает его более привлекательным для читателей.

Невозможно было не обратить внимание на данный заголовок :

“‘Carmageddon’ predicted for closing of L.A.’s 405” [18, 2011]

That fearsome Los Angeles traffic is about to get much, much worse this weekend: A 10-mile stretch of the nation’s busiest highway, Interstate 405, will be shut down for 53 hours as part of a \$1 billion reconstruction project. Cars drive underneath the Mulholland Bridge on the 405 freeway in Los Angeles. In no other city in America is it so difficult to get from one point to another without a car. Three attempts at bicycle plans in Los Angeles have failed. The buses are poorly run and can take you several hours to get several miles. Not that Angelenos mind: A swanky car is prized more than a swanky apartment in L.A. These realities help explain why a highway closure starting Friday on “the 405” has been already dubbed the “Carmageddon.” It’s the end of the world. Or at least the weekend.

Выразительность заголовка усиливается неологизмом — Carmageddon, представляющим телескопное образование из элементов двух морфем Car + Armageddon, т. е. конец света из-за чрезмерного обилия машин. Согласно определению слова Армагеддон, мы можем сделать предположение, что первоначально оно являлось топонимом, т.к. обозначало место:

Армагеддóн (др.-греч. Ἀρμαγεδών) — в авраамических религиях место последней битвы добра со злом в конце времен. Этимология слова: из иврита; от названия горы Мегиддо (ивр. מגידו הַ, *хар Мегиддо*) в 10 км от г. Афула на севере Израиля.

Особого внимания заслуживает такое явление, как ономастический штамп. Этот способ обозначения лица основан на существующих в обществе четких представлениях о том человеке, чье имя скрывается в газетном тексте или тексте заголовка за прозвищным именем:

“The Most Wanted Face of Terrorism” [16, 2011].

Osama bin Laden, who was killed in Pakistan on Monday, was a son of the Saudi elite whose radical, violent campaign to recreate a seventh-century Muslim empire redefined the threat of terrorism for the 21st century.

“‘King of Pop,’ Dies of Apparent Heart Attack in L.A.” [18, 2009].

Michael Jackson, 50, died yesterday in Los Angeles as sensationally as he lived, as famous as a human being can get. He was a child Motown phenomenon who grew into a moonwalking megastar, the self-anointed King of Pop who sold 750 million records over his career and enjoyed worldwide adoration.

Игра слов — (замена аппелятива фонетически созвучным именным онимом)

В следующем примере интересно обыгрываются имена известной и самой популярной пары Голливуда — Бреда Пита и Анджелины Джоли: к имени Brad прибавляется имя Angelina, и в результате при сращивании получается неологизм Brangelina. Данный неологизм подчеркивает сплоченность этой счастливой и влюбленной пары.

“French mayor: Brangelina wedding not happening” [17, 2011].

At least one person is willing to bet that, contrary to recent rumors, Brad Pitt and Angelina Jolie will not be getting married at their French estate any time soon: Mayor Michaël Latz, who runs the small town of Correns, France.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что имена собственные являются эффективным инструментом целенаправленного речевого воздействия в языке газет, в частности в заголовках, что связано с их способностью передавать большой объем культурной, идеологической и эмоционально-оценочной информации. Имя собственное апеллирует к запасу предварительных знаний адресата, и, чем известнее и частотнее оним, тем больше вероятность, что он связан у носителей языка с определенными ассоциативными представлениями. Использование приемов языковой игры в газетном заголовке создает своеобразное экспрессивное напряжение, которое вызывает эмоциональную активность читателя и побуждает его обратиться к тексту. Рассматривая стилистические приемы использования онимов в заголовках периодических изданий США, можно прийти к выводу, что здесь преобладают ономастические единицы, которые так или иначе указывают на определенные признаки персонажа, на место и время того или иного события.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Новый Большой Англо-русский Словарь. М. :1993.123 с.
2. Батурина Л. Н. Семантико-стилистический анализ ономастических единиц в газетно-публицистическом тексте. Волгоград. :2004.51-55 с.
3. Буркова Т. А., Буркова Т. А. Стилистические приемы использования антропонимов в немецком газетно-журнальном тексте [Текст] // Вестник

Томского государственного университета. Филология. Томск. : 2010. — № 337. 11-17 с.

4. Воронова И. Б. Textoобразующая функция литературных имен собственных: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Волгоград. : 2000. 206 с.
5. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Уч..пособие. 2-е изд.. Екатеринбург. :2004. 26-44 с.
6. Ляпина О. А. Структурные, функциональные и прагматические особенности немецкого газетного заголовка (на материале общенациональной немецкой прессы) Автореф. дис...канд. филол. наук: 10.02.04 Воронеж: 2002. Воронеж.: 2002.18-19 с.
7. Мартынов В.С. Символика лингвокультурных кодов в составе англоязычного художественного текста Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 М. : 2009. 143 с.
8. Ожегов С. И. Толковый Словарь Русского Языка. М. :1992.154 с.
9. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. М. : 1966. 95-126 с.
10. Солганик Г. Я., Милых М. К., Вомперский В. П. и др. ; Под ред. Д.Э. Розенталя Стилистика газетных жанров. М. :1981. 205 с.
11. Элмор Р. Терри «Словарь Языка Средств Массовой Информации США». М.: 1992. 271-272 с.
12. The Daily News [электронный ресурс] URL: <http://www.dailynews.com>
13. The New York Times [электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com>
14. The USA Today [электронный ресурс] URL: <http://www.usatoday.com>
15. The Washington Post [электронный ресурс] URL: <http://www.washingtonpost.com>
16. The Wall Street Journal [электронный ресурс] URL: <http://www.wsj.com>

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЗНАК-СИМВОЛ-ЗНАЧЕНИЕ-КОНЦЕПТ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА

Трубаева Елена Игоревна

ассистент НИУ «БелГУ», г. Белгород

E-mail: trubaev80@mail.ru

Многообразие дефиниций «знака» и «символа», их определение посредством друг друга не может не затруднять семиотическое исследование любого текста. Ю.М. Лотман подчеркивает, что «символ» — одно из самых многозначных понятий в системе семиотических наук, а выражение «символическое значение» широко употребляется как простой синоним знаковости [3, с. 240].

В целях выявления непротиворечивых определений, мы, прежде всего, провели анализ словарных дефиниций *знака* и *символа*, а затем обратились к работам ведущих семиологов и теоретиков языка.

Так, в Словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой указано, что знак — «показатель, выразитель данного языкового значения» [1, с. 158], а символ — «знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной» [1, с. 404]. Мотивированность, по-видимому, должна объясняться сходством символа как обозначающего элемента и референта, которого он обозначает.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре языковой знак традиционно определяется как «материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [2, с. 167]. По нашему мнению, данное традиционное определение отличается излишней философичностью и может быть понято противоречиво. Сам по себе знак не может быть материально-идеальным, так как сам по себе не несет значения, а лишь указывает на него. Таким образом, знак не является чем-то двойственным, он не самостоятелен, а зависим.

Значение, следовательно, проявляется при узнавании: *воспринимающий* узнает знак и ассоциативно связывает его с каким-либо референтом. Референт, в свою очередь, отсылает *воспринимающего/интерпретатора* уже ко многим знакам, составляющим определенный сценарий, фрейм, имеющим ядром один или несколько концептов.

В целях тщательного анализа дефиниций нами были исследованы статьи, посвященные знаку и символу, данные в философских словарях. Парадоксально, но наиболее ярко языковые исследования освещены именно в философских лексикографических источниках.

Известный философский словарь, основанный лексикографом Г. Шмидтом, представляет знак как «то, что заменяет другое, указывает на другое. *Знак* есть предмет, благодаря представлению которого вновь осознается другое представление, связанное у думающего с первым. Представление, возникшее в сознании благодаря знаку, есть *значение* знака; представление, слившееся со своим значением в некоторое внутреннее единство, есть *символ*» [6, с. 164-165]. В отдельной статье о символе указано, что он воплощает какую-либо идею, причем он есть «образование, которому определенная группа людей придает особый смысл, не связанный с сущностью этого образования» [6, с. 404].

В русской лексикографической традиции философского словаря знак традиционно трактуется как «материальный чувственно воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающее в познании в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования» [7, с. 120]. Что касается символа, то он представляет собой «в широком смысле понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [Там же, с. 123]. Символ имеет знаковую природу, и ему присущи все свойства знака. Однако если сущностью знака признать чистое указание, то сущность символа оказывается большей, чем указание на то, что не есть он сам. Символ есть не только наименование какой-либо отдельной частности, он схватывает связь этой частности с множеством других, создавая собственную многослойную структуру, смысловую перспективу, объяснение и понимание которой требует от интерпретатора работы с кодами различного уровня.

Основатели семантики как научной дисциплины чаще всего избегают односторонне определять знак и символ, поскольку последние не самодостаточны и обретают жизнь так же, как и текст — при прочтении. Исследователи заостряют внимание на разных основаниях этого процесса восприятия, понимания и, в итоге, принятия либо непринятия значения. Так, например, Ч.У. Моррис пишет о семиозисе — процессе, в котором нечто функционирует как знак. Процесс подразумевает взаимодействие четырех составляющих:

- того, что выступает как знак — знакового средства или закононосителя;
- того, на что указывает (refers to) знак — десигната;
- воздействия, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком — интерпретанты;
- непосредственно интерпретатора [4, с. 47].

Сами знаки формируют особую знаковую систему, поскольку каждый знак взаимодействует с другими знаками: «только с помощью других знаков может быть сформулировано то, к учитыванию чего знак готовит интерпретатора». Знаки, по Ч. Моррису, связаны синтаксически [4, с. 50].

В свою очередь, последовательности знаков образуют язык. Однако механизм работы разноплановых знаков однотипен: знак социален, понимать язык — значит употреблять только те сочетания и преобразования знаков, которые не запрещаются употреблением, приняты в данной социальной группе, обозначать объекты и ситуации так, как это делают члены этой группы, иметь, когда используются определенные знаковые средства, те же ожидания, что и у других членов, и выражать свои собственные состояния так, как это делают другие. Конвенциональность знака в любом случае доминирует среди его прочих характеристик, а разные, полярные его прочтения скорее являются исключением, чем правилом.

По нашему мнению, в разграничении данных понятий важную роль сыграли исследования Ю.М. Лотмана, который подчеркивает, что «символ связан с памятью культуры» [3, с. 225] и «в символе всегда есть что-то архаическое» [3, с. 241].

Для нас важна следующая характеристика символа, предложенная Ю.М. Лотманом: «Символ, представляя собой законченный текст, может не включаться в какой-либо синтагматический ряд, а если и включается в него, то сохраняет при этом смысловую и структурную самостоятельность. Он легко вычленяется из семиотического окружения и столь же легко входит в новое текстовое окружение. С этим связана его существенная черта: символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [3, с. 241]. Таким образом, символ, в отличие от знака, указывает не на единичное, но на целый культурный текст, представленный парадигматически во времени.

Мы можем предположить, что символ с его отсылками на разнообразные, ассоциативно связанные референты, хранится во фреймовой структуре, имеющей, как правило, один сценарий. Символ как «культурный текст» должен базироваться на аксиологических основаниях. Следовательно, ядром символа является концепт.

Таким образом, являясь типом знака генетически, в синтагматическом срезе символ представляет собой образование отличной от знака, более развернутой структуры.

При дальнейшем употреблении терминов *символ* и *знак* мы учитываем следующие выделенные нами положения:

1. Знак как составляющая часть процесса интерпретации предполагает существование законодателя, интерпретатора, а также, как правило, конвенциональной интерпретанты и референта. Символ, сходным образом, может быть задействован в акте коммуникации при наличии законодателя, складывающегося из вербальной и иконической компоненты, интерпретатора, конвенциональной интерпретанты и целой сети референтов, сочетание которых образует культурный текст.

2. Знаки представляют стратегию отношений с действительностью в разных ситуациях и чаще всего их вербальная актуализация проявляется в номинации информативного характера или в формах императива. Вербальная жизнь символа является собой описание идеи, причем с оперированием образными, метафорическими средствами. Без знания знаков, таким образом, прожить сложно: это либо опасно, как при незнании дорожных знаков, либо лишает нас чего-то насущно необходимого.

3. И знак, и символ могут служить для привлечения внимания. Однако узнавание символа подчас затруднено и зависит от его «предзнания». В том случае, если интерпретатор не может расшифровать символ, он останется для него просто знаком, указывающим на некий неизвестный референт. Доступ к культурному тексту в этом случае будет закрыт.

4. Знак и символ в языковом плане представляют разные типы отношений с определяемым референтом. Например, существует принципиальная разница между выражениями «роза как знак любви», означающее отношение к конкретному лицу, и «роза как символ любви», имеющее отношение к абстрактной идее. Знак и символ в этом смысле могут быть описаны как частное и общее, причем при этом условии прочтение знака зависит от знания символа.

Мы принимаем следующие определения знака, символа и значения:

знак — единица любой семиотической системы, указывающая на референт;

символ — основанный по законам знака шифтер переключения на абстрактную идею, представляющую сеть референтов, закодированных в культурный текст;

значение — представление, возникшее в сознании благодаря знаку.

Таким образом, репрезентациями концепта в тексте могут служить знаки различного порядка и символы.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — 2-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 569 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл, 1990. — 685 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб. : Искусство-СПБ, 2004. — 703 с.
4. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика : ант. / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.; Екатеринбург, 2001. — С. 45-97.
5. Пирс Ч. С. Предложения // Семиотика : ант. / сост., общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.; Екатеринбург, 2001. — С. 165-226.
6. Философский словарь / основан Г. Шмидтом. — 22-е изд. / перераб. изд. под ред. Г. Шишкоффа. — М.: Республика, 2003. — 575 с.
7. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. — 2-е изд. — М.: Изд-во полит. лит., 1968. — 432 с.

2.3. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКА: ОСОБЕННОСТИ АФФИКСАЦИИ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТА

Ахренова Наталья Александровна

*канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка, ГОУ ВПО
«Московский государственный областной социально-гуманитарный
институт», г. Коломна
E-mail: nakhrenova@mail.ru*

На сегодняшний день Интернет играет ключевую роль в жизни общества, являясь основным средством массовой информации, межличностной коммуникации, опередившим по числу пользователей телефон, первостепенным источником информации, забравшим пальму первенства у книг. Сегодня уже не язык, не общество, не культура оказывают влияние на Интернет, а сам Интернет и процессы, происходящие в нем, оказывают влияние на общество, язык, культуру и многие сферы нашей жизни. Интернет также коснулся и научной жизни общества. Помимо конференций и вебинаров, проводимых в Сети, он-лайн курсов, программ дистанционного образования, сборников научных трудов, мы сталкиваемся с тем, что за последнее время появился ряд научных направлений связанных с Интернетом таких как — Интернетика [2] — наука, охватывающая основы теории информационного поиска и сложных сетей. Исследователи предполагают, что именно на стыке этих двух областей может лежать решение открытой проблемы навигации в современных информационных сетях.

Мы же считаем, что сегодня уже сложилось новое направление в современном языкознании — Интернет-лингвистика. В рамках данного направления изучаются основные фонетические, грамматические, семантические, семиотические, словообразовательные особенности функционирования естественного языке в виртуальном пространстве Интернета. Также в рамках данного лингвистического направления изучаются языки общения в Сети, терминологическая система Интернета, литература (сетература), рожденная на просторах Интернета и многие другие явления, относящиеся к медиуму лингвистики и/или филологии.

В данной статье мы бы хотели уделить особое внимание словообразовательным процессам, происходящим в Сети, некоторые

из которых получили практически вторую жизнь в Интернет-коммуникации: словосложение, бленды, аббревиация, обратное словообразование (backformation), clipping и т. д.

Мы бы хотели уделить особое внимание одному из наиболее популярных способов словообразования — аффиксации. Аффиксация так же, как и для литературного языка, является продуктивным способом словообразования в англоязычном и русскоязычном сегментах Интернета. Согласно определению, данному профессором О.С. Ахмановой, аффиксация (прогрессивная деривация) — это морфологический процесс (соотв. явление), заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам [1].

Аффикс (аффиксальная морфема, формальная морфема, формант) — это морфема, выделяющаяся в составе словоформы, видоизменяющая значение остальной части слова, называемой по отношению к аффиксу базой, и в зависимости от положения в начале, середине или конце слова называемая приставкой и суффиксом [1].

Среди суффиксов наиболее продуктивными для образования существительных являются морфемы *-er* (*hacker, cracker, spammer, router, twitterer, gamer*); *-ese* (*Internetese, hackerese*); *-ish* (*hackish, crockish, Twitterish*); *-ing* (*hacking, chunking, clogging, dustergeeking*); *-ie* (*newbie/netbie, muddie, ippie*); *-y* (*froggy, crocky, kludgy, frowny (face)*); *-ness* (*hackishness*); *-hood* (*crockhood*); *-zen* (*nettizen*); *-less* (*techless*); *-full* (*windowfull, screenfull, folderfull*); *-able* (*crushable crackable, clickable*); *-ing* (*mirroring, eavesdropping*).

Особенностью словообразовательных процессов является то, что аффиксы часто прибавляются к словам, которые в нормативном языке не принимают таких аффиксов, что может быть охарактеризовано как некая игра слов, которая придаёт ироничный оттенок, лёгкость восприятия, обеспечивает быстроту восприятия. Эти суффиксы часто приходят в словообразование языка Интернета из словообразования в научной лексике. Так, странно выглядят и трудно произносятся, часто абстрактные существительные, образованные при помощи суффикса *-ity* (*dubiosity, obviosity, ferrosity*). В языке Интернета по своему значению суффикс *-ity* синонимичен суффиксу *-ness*, поэтому в современном английском языке встречаются парные существительные, образованные с помощью этих суффиксов от одних и тех же основ, например, *generosity, generousness (om generous)*. Аналогично произошло с суффиксом *-itude* (*geekitude, hackitude*) [3, с. 112-113].

Англосаксонский суффикс *-en* используется для образования множественного числа практически всех существительных, оканчивающихся на *-x*: *boxen, vixen (VAX computers), matrixen, bixen*

(users of BIX, an information exchange system), и даже существительных, которые заканчиваются на звук /k/: *soxen* (a bunch of socks) [4].

В языке Интернета можно считать часто употребительным суффикс *-oid*, который происходит от греческого суффикса *-ooides*, от *eidos*, означающего “*shape, form.*” В английском языке этот суффикс имеет значение “*like*” or “*resembling.*” Этот суффикс пришел во всеобщее словоупотребление в Интернет-коммуникации из жаргона хакеров и широко используется для образования от негреческих и нелатинских основ различных слов, которые не сочетаются с ним в основном английском словоупотреблении.

Чем дальше распространялся Интернет и Интернет-технологии, тем большую популярность приобрели такие префиксы как *cyber-* (*cyberspace, cybercast, cybernation*); *hyper-* (*hypertext*); *info-* (*infomercial, infomania*);

Самым продуктивным префиксом в языке Интернета является *e-* со значением «*related to the world of technology and computing*», например: *e-* (*e-text, e-ink, e-cash, e-money, e-book*); после выхода смартфона компании Apple стал широко использоваться префикс *i-* (*iphone, ipad, ipod, iTunes, iporn*); слово «*at*», которое на письме часто передается всем известным значком @, часто выступает в роли префикса традиционного как для Интернет-аффиксации, так и для аффиксации, давно вышедшей за пределы Сетевой коммуникации (*@llgood, @tractions, @cafe*). Данный префикс часто применяется в рекламных слоганах для привлечения внимания потенциальной аудитории, наиболее часто в Интернет-рекламе. Также пользователями Сети для образования новых слов, синонимов, антонимов активно используются следующие приставки: *co-* (*co-twitterer*), *mis-* (*mistweet*), *un-* (*unfollow*), *de-* (*defollow*), *re-* (*retweet*).

Что же касается русскоязычного сегмента Интернета (Рунета), то, согласно, проведенного исследования “Lexikon” лингвисты, представители медиа и бизнес-сообщества пришли к неутешительным выводам, что менее 10 % новых слов создают пользователи Рунета, из которых всего лишь 5,8% отводится аффиксации. Остальные же слова были образованы путем искажения уже существующих в русском языке слов, заимствования из английского языка [6].

Из всего вышеописанного мы можем сделать вывод о том, что одним из направлений для изучения в рамках Интернет-лингвистики можно считать — Интернет-словообразование и аффиксация является одним из наиболее продуктивных способов словообразования. Это справедливо в особенности для англоязычного сегмента Сети, что не удивительно, на наш взгляд. Во-первых, потому, что сам Интернет

изобретение американских ученых; во-вторых, большинство сайтов и ресурсов Сети являются англо-американскими, ресурсы на других языках чаще всего имеют свою англоязычную версию; в-третьих, влияние английского языка так велико, что родной язык, в сущности, меняется по этим «натиском», что, безусловно, сказывается на качестве словообразовательных процессов. Сегодня пользователям зачастую не надо подыскивать свое, «родное» слово, нам достаточно благозвучно транслитерировать или калькировать нужное слово и оно с успехом войдет в лексикон пользователей, и никто из нас, кроме специалистов, не будет задумываться о причинах произошедшего и стараться что-то изменить.

Поэтому, как это ни прискорбно, но глобализация или, вернее, американизация неизбежны и бороться с этим бесполезно на других уровнях, пока мы не восстановим свой «культурный щит» [5], не научимся относиться к своему языку с почтением, использовать свои средства для словообразования и пополнения словарного запаса.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4. М., 2007. — 576 с.
2. Ландэ Д. В., Снарский А. А., Безсуднов И.В. Интернетика: Навигация в сложных сетях: модели и алгоритмы. — М.: Либрикон (Editorial URSS), 2009. — 264 с.
3. Обухова О. В. Неологизмы, источники пополнения словарного состава языка//Язык: категории, функции, речевое действие: материалы международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., проф. Л.М. Борисовой. 23-24 апреля 2009 г, г. Москва-Коломна/отв.ред. Оганьян А.М. — М., 2009 — с. 106-117.
4. Обухова О. В. Социокультурные факторы формирования лексики Интернета (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007. — 234 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. — М.: Слово, 2008. — 344 с.
6. www.dp.ru/a/2009/12/28/e-SHtab_i_Vebkontent_ru_K/

ПОЗИЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПАДЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Бунамес Наталья Викторовна

*канд. филол. наук, доцент Волгодонского филиала ЮРГТУ,
г. Волгодонск*

E-mail: bunames@bk.ru

Идея позиционной обусловленности грамматических значений возникла как реакция на многочисленные попытки установить семантические инварианты важнейших грамматических категорий. Невозможность так обозначить семантическое содержание всей категории, чтобы оказались охваченными все возможные языковые представления количественной семантики, привела к поиску иных решений. Наметились два направления.

Первое состоит в том, чтобы рассматривать грамматическую категорию как «конгломерат гетерогенных функций» [3], оно фактически отказывает ей в целостности. Ср. многочисленные попытки вывести за пределы категории числа имена неконкретной семантики, утверждение о том, что *pluralia* и *singularia tantum* находятся вне категории числа. Однако такой подход не соответствует аксиоме облигаторности грамматических значений. Кроме того, при таком подходе оказывается, что большая часть существительных оказывается за пределами категории (ибо разряды неконкретных имен численно превышают разряд конкретных исчисляемых существительных).

Вообще при таком подходе неизмеримо возрастает число контекстных значений грамматической категории (ср., например, попытку в рамках падежных значений фиксировать «Дательный этический» *Я вам покричу по ночам!* или «Родительный несчастья» *У меня мать заболела при сомнительности * У меня мать выздоровела*).

В работе Ли Сон Ми [8] выделяется особое значение множественного числа — «множественное сенсационное», которое, по мысли автора, реализуется «в бульварных СМИ». Ср. газетный заголовок: *Жители Подмосковья откапывают на своих огородах пушки и снаряды*, где осуществляется квазитипизация на основе мнимой денотативной множественности, то есть происходит заведомая подмена формальной грамматической множественности множественностью денотативной. Квазитипизация выполняет именно коммуникативную задачу создания газетной сенсации. При этом особенно популярны в такой роли бесподлежащные конструкции типа *Официантов бросают в тюрьму за*

обсчет посетителей, которые позволяют «затемнить» если не числовое, то хотя бы предметно-референтное значение неназванного субъекта.

Второе направление поисков связано с попытками объяснять единство категории не наличием инвариантного смысла, а на основе анализа позиционных условий употребления оппозиционных форм. Это направление реализовано в работах Е.В. Клобукова и М. В. Панова [7, 13, 14].

Е. В. Клобуков [7] подчеркнул, что именно допущение возможности появления новых элементов значения в разных позициях, обусловленных системным взаимодействием грамматической формы и контекста, позволит осознать причины разнообразия «частных» грамматических значений. При таком подходе появление системных приращений смыслов можно прогнозировать, так как можно описать контексты, их вызывающие и определяющие. Таким образом, частные значения грамматических форм обусловлены лексическими и грамматическими факторами позиции. Парадигмы позиционно чередующихся значений Е. В. Клобуков [7] называет вполне реальным, хотя и малоизученным объектом грамматики языков, имеющих субстантивное склонение. Что составляет костяк парадигм такого рода, что объединяет в один функциональный блок чередующиеся значения? Отнюдь не обязательно близость этих значений, и в этом принципиальное отличие от парадигм лексических (в рамках многозначного слова, синонимических рядов и проч.). Исследование и описание семантических парадигм грамматических значений, как полагает Е.В.Клобуков, должно стать основой функциональной грамматики особого типа — изучающей язык от формы к смыслу. И согласно терминологической традиции функциональной грамматики, семантические парадигмы падежных и иных грамматических форм можно было бы назвать функционально-семантическими парадигмами.

М. В. Панов [13] пишет о том, что велик соблазн за видимой пестротой значений увидеть их глубинное единство. Но убедительных выводов нет. Нужен ясный ответ на такой вопрос: сами говорящие имеют ли представление (интуитивное, глубинное) об этих закулисных значениях? И обязательно ли их иметь, чтобы правильно пользоваться языком? Если не обязательно, то есть владение языком не связано с прониканием в глубину этих значений, то, несомненно, эти глубинные значения не принадлежат языку. Если же говорящим необходимо усвоить эти глубинные значения, о которых толкуют исследователи, то какие ошибки могут возникнуть (и реально возникают) при невладении этой глубинностью? Пока, считает М.В. Панов, на этот вопрос нет ответа. И, следовательно, нет основания построение «глубинных значений» считать

убедительным ответом на вопрос: чем объединяются разнородные грамматические значения, присущие одной грамматической форме, одному суффиксу.

Иное дело — реальные грамматические значения, получившие материальное воплощение в конкретных формах. «Грамматические значения существуют: они не выдумка теоретиков, а отражение некоторого фундаментального свойства человеческого языка. Познание всегда асимметрично: одни фрагменты действительности человек склонен воспринимать как бы через увеличительное стекло, тогда как другие — как бы через перевернутый бинокль» [Плунгян В. А., 1998: 77].

Для М. В. Панова принципиальное значение имеет следующее положение: всё, что позиционно чередуется, с точки зрения системности языка — единая сущность, целостная единица. Это положение является основополагающим в фонологии: непозиционно чередующиеся звуки не составляют функционально-целостные единицы (а потому их нельзя объединить на письме одним буквенным знаком), а позиционно чередующиеся составляют целостную единицу — фонему. М. В. Панов [14] перенес эту идею из фонологии в грамматику. Подобно тому, как разные звуковые единицы объединяются в целостность потому, что чередуются позиционно, и грамматические значения объединяются в целостность только потому, что выбор их обусловлен позиционно.

Позиционные условия чередования грамматических значений М. В. Панов [14] в своей «Позиционной морфологии русского языка» показал на примере Творительного падежа имени. Флексии существительных *-ом, -ой, -ью, -ами* передают значение творительного падежа. И хотя творительный падеж передает множество разнородных значений, вся эта пёстрая разнородная группа значений оценивается как целостность, которая вся вместе и называется «значение Творительного падежа». Причем особо подчеркивается, что объединяющая функция не может выполняться единством аффикса: аффикс *-ом* есть и у наречия. Ср. наречия *летом, утром*.

В случаях типа *ранним утром, этой весной* словоформа имеет временное значение, обусловленное лексическим значением имен. Основы *утр-, весн-, лет-* обозначают время суток или года. От основы «заражается» временным значением флексия, и вся словоформа используется как обстоятельство времени.

Ср. те же слова, но в других условиях:

На маскараде она нарядилась весной; Он прочел стихотворение «Летом».

Здесь, пишет М. В. Панов, словоформа *весной* не имеет временного значения, оно обозначает лицо в костюме весны. Это лицо может быть

названо *Весна*, основа имеет значение лица, поэтому и флексия лишена временного значения.

Аналогично — *ехать полев, лесом* — падежные формы имеют значение места, которое соответствует лексическому значению основы. Характерно, что есть и другое условие проявления этого значения, Такое значение возможно только при глаголе движения: *ехать, идти, двигаться*. Как видим, в ряду позиционных условий актуальны и собственно синтагматические ограничения.

Ср. также типичные конверсивы: *Спрос порождается предложением — предложение порождается спросом*. В страдательных оборотах флексия творительного падежа обозначает деятеля, причем могут быть задействованы и отвлеченные имена. Главное условие — они должны в тексте рассматриваться как название источника действия. Позиция здесь, указывает М. В. Панов, это конструкция страдательного оборота: подлежащее, обозначающее объект действия, страдательный глагол или страдательное причастие в качестве сказуемого. Требование к основе существительного только одно: она должна быть способна обозначать субъект действия.

Наиболее характерное для Творительного падежа значение инструмента, орудия появляется в том случае, когда глагол и основа существительного-дополнения имеют общие семантические признаки (в ряде случаев эта общность семантических множителей подчеркнута тем, что глагол и существительное-дополнение — однокоренные слова: *косить косой, пилить пилой, сверлить сверлом, прокатывать катком, мести метлой*).

Но эта общность ясна и в случаях *строгать рубанком, махать флагом* (поскольку *рубанок* — это то, чем можно строгать, а *флаг* — то, чем можно махать).

Сравнительное значение творительного падежа представлено у некоторых именных словосочетаний: *грудь колесом, голова котлом* и особенно часто — у глагольных: *крадется лисой, надулся индюком, обвис мешком, кричит петухом, падает камнем*.

М. В. Панов [14] отмечает, что оно формируется от части «от противного» — оттого, что иные осмысления невозможны. Инструментальное значение здесь невозможно: все действия, названные в таких оборотах глаголами, не требуют для своего выполнения инструмента. Далее, если сказано *он крадется лисой*, значит он не *лиса*. Иначе говоря: форма творительного падежа не равна субъекту при описании данной ситуации. При инструментальном значении этого ограничения нет: *рубит топором — рубит топор, строгают рубанком — рубанок строгают*.

Форма творительного падежа в сравнительном значении подобна, по мысли М. В. Панова, деепричастному обороту, поскольку она должна годиться в качестве сказуемого, а именно: его именной части при том же подлежащем. *Он надулся индюком = 1. Он надулся. 2. Он казался индюком; Он как индюк. Он вьется ужом = 1. Он вьется. Он кажется ужом. Он как уж.*

Инструментальное значение исключает возможность таких преобразований: *Он орудует лопатой* не равно *Он кажется, является лопатой*.

В случаях типа *наградить орденом, окружить вниманием, увлечь рассказом* Творительный падеж обозначает предмет, который необходим для действия. Флексия имеет значение необходимого объекта. Такое значение обусловлено позиционно: наличием определенного глагола.

Интересно взаимодействие падежных и числовых значений, которое проявляется, например, в случаях *ждать ответа годами, болтать часами, пить ведрами, сыпать мешками*. Здесь значение флексии творительного падежа — большое количество. Это значение создается не только основой (значением меры), но и формой множественного числа. То есть значение множественного числа входит в позиционные условия, которые обуславливают значение данной флексии.

Исходя из идеи позиционного чередования, М. В. Панов объясняет более десятка значений, свойственных Творительному падежу. Под позиционными условиями при этом имеется в виду чрезвычайно широкий спектр явлений: фактор лексического значения, синтагматика словоформы, ее конструктивная обусловленность и даже «отвержение» (от слова «отвергнуть») данной конструкцией других значений, возможных у этой формы.

Главное достоинство данного подхода, как считал М. В. Панов [13] заключается в том, что такое описание будет единым, целостным, вытекающим из общего принципа: оно составит одно целое с описанием фонологической системы языка.

Предложенный в трудах Е. В. Клобукова и М. В. Панова позиционный анализ вовсе не сводится к установлению набора значений, присущих грамматической форме. Напротив, установлением этого набора не завершается, а только начинается системное изучение семантики словоформы. Для того чтобы набор значений составил систему, нужно определить правила, по которым осуществляется закономерный, однозначно предсказуемый выбор значений данной формы в определенном контексте.

Хотя идея позиционной обусловленности падежных (и других грамматических) значений очень привлекательна своей объяснительной

силой, ни для одной грамматической категории еще не предложено исчерпывающего перечня позиционных условий. Для категорий с более ярким номинативным содержанием, чем у падежа, важны не только позиционные, но и — шире — коммуникативные условия реализации. В общем виде коммуникативные факторы внешнего контекста (предопределяющие семантическое содержание числовой формы) сводятся к следующим:

1. просодическое оформление числовой формы;
2. интонационная характеристика предложения, в котором использована анализируемая числовая форма;
3. актуальное членение предложения;
4. коммуникативный регистр речи (репродуктивный, инфрмативный, генеритивный, волонтактивный, реактивный);
5. тип речевого жанра и дискурса в целом.
6. паралингвистические факторы.

[8, с. 125-130].

Внутренний контекст для числовой формы предопределяется лексической семантикой, когда релевантным признаком оказывается принадлежность к группе предметных (дом), предикатных (бег) или вещественных (вода) имен.

И актуальная задача современной позиционной морфологии состоит в том, чтобы построить описание грамматических значений, выражаемых той или иной формой, с учетом позиционных условий. От традиционной таксономии значений нужно перейти к выяснению правил позиционной мены грамматических значений. Е. В. Клобуков [7] приводит яркую аналогию: одно дело — перечислить основные планеты Солнечной Системы, другое — определить их взаимоотношения и взаимовлияние, чем и занимается современная астрономия, а между перечислением и объяснением — «дистанция огромного размера».

Падеж — самая реляционная из всех именных категорий, и в ее реализации синтактика играет ведущую роль. Понимание падежных значений осуществляется с опорой на мотивировки, исходящие от лексического компонента слова, а также с помощью «переключки семантических множителей» (формулировка М.В. Панова) глагола и имени.

Несклоняемые существительные сформировались в особый класс (нулевое склонение) под воздействием комплекса закономерных факторов. Поскольку признак формальной несклоняемости охватывает значительное число имен (многие из которых имеют огромную частотность), этот класс не может быть отнесен к периферийным (маргинальным) явлениям. Несклоняемые имена логичнее именовать

существительными нулевого склонения, ибо они передают весь комплекс падежных значений средствами синтагматики, позволяющими однозначно определить падежную функцию в условиях достаточного (не минимального) контекста.

Список литературы:

1. Бенвенист Э. // Общая лингвистика под ред. Ю.С. Степанова. Благовещенский Гуманитарный колледж им. И.И. Бодуэна де Куртене, 1998. С 362.
2. Зулпукаров К. З. Падежная грамматика: теория и прагматика. СПб-Ош, 1994.
3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. Гуреев В. А. // Падежи имени существительного в английской грамматической традиции. Филологические науки. 1989. № 1.
5. Гращенков П. В. // Родительный падеж при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы. Вопросы языкознания. 2002. № 3.
6. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1970.
7. Гладкий А. В. // Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного. Проблемы грамматического моделирования. М., Наука. 1976.
8. Ли С. Позиционная обусловленность числовых значений русского существительного (граммема множественного числа). Дис. ... канд. филол. наук, М., 2002. 376 С.
9. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., Просвещение. 1981.
10. Милославский И. Т. // Об идеографической морфологии русского языка. Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка. Т. 38. 1979. № 5.
11. Милославский И. Г. // Позиционная обусловленность грамматических значений. Русский язык за рубежом. 1978. № 6.
12. Никитевич В. М. Грамматические категории в современном русском языке. М., Учпедгиз, 1963.
13. Панов М. В. // О позиционном чередовании грамматических значений. Типология и грамматика. М., Наука. 1990.
14. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., Наука. 1999.
15. Русская грамматика. Т. 1. М., Наука. 1980.
16. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., Языки русской культуры. 1996.

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

Бунамес Наталья Викторовна

*канд. филол. наук, доцент Волгодонского филиала ЮРГТУ,
г. Волгодонск*

E-mail: bunames@bk.ru

В семантическую числовую парадигму входит более десятка различных значений. Рассмотрим подробнее те из них, которые наиболее зависимы от синтагматических условий, реализация которых невозможна без характерной сочетаемости.

Как известно, значение класса (иначе его называют «генерическим» или «родовым») может опираться на обе формы числа: *человек смертен = люди смертны*. Но в любом случае, для проявления этого значения необходим целый ряд собственно синтагматических условий. Так как значение класса нереферентно (это указание на тип предметов, на некую совокупность предметов, имеющих общие признаки), оно должно «поддерживаться» на уровне синтагматики. Общий или необщий характер существительного не устанавливается в рамках самого этого существительного. Этот характер определяется предикатом, ибо, как писал У. Чейф [18, с. 217-218]: «Семантическое влияние распространяется от глагола к сопровождающим его существительным, а не наоборот». Общее значение существительного в генерическом высказывании формируется с помощью соответствующего значения глагола-сказуемого (предикат не должен обозначать индивидуальное, окказиональное свойство, действие, признак, не свойственные классу предметов), в том числе — значения грамматического (предикат должен принимать форму настоящего времени, которое имеет, однако, вневременное значение). Значение класса реализуется в обобщенных высказываниях, не передающих фактологическую информацию. Это зачастую афоризмы, сентенции, трюизмы, крылатые выражения и максимы.

Поскольку форма единственного числа конкретного имени употребляется как в значении реальной единичности объекта, так и в обобщенном (нереференциальном) значении, она может быть основой энантиосемии. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дается такое определение: Энантиосемия — 1. Поляризация значений. Способность слова (морфемы и так далее) выражать антонимичные значения. 2. Троп, состоящий в употреблении

слова в противоположном смысле (в сочетании с особым интонационным контуром).

Энантисемию рассматривают или как частный случай антонимии, или как скрещение омонимии с антонимией, однако главное состоит в том, что энантисемиа предполагает наличие противоположных значений. Отношения противоположности — один из типов отношений между вещами, явлениями, процессами и т. д. В языке такие отношения проявляется в соотносительной противоположности его элементов. Для их выражения в естественном языке существуют фонетические, лексические, грамматические единицы. Понятие противоположности отражает общий закон познания, сущность которого в раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности и определении отношений между ними. Противоположное значение — это такое значение, которое ассоциативно соотносится с его антиподом.

Сущность энантисемии как особого языкового явления, связанного с противоположными значениями, состоит в том, что она связана с одной языковой единицей (словом, морфемой, ФЕ) и тем самым она отличается от омонимии и антонимии. В этом смысле энантисемиа ближе к многозначности, но отличие от многозначности состоит в том, что значения оказываются не просто разными, но противоположными. Так, значения единичности и собирательного множества свойственны существительному «*монета*»:

«Вместе со строгостью тюремного заключения и надзора шло об руку деланье фальшивой серебряной монеты, составление фальшивых видов, паспортов и печатей» (С. Максимов. «Каторга импорта»).

Е.Х. Жаркова [6, с. 96] отметила, что многие аспекты внутрилексемной организации значений еще не нашли своего отражения. Так, не достаточно исследовано то действие, которое оказывают на формирование и структуру многозначности грамматические факторы (категория рода, числа, падежа, вида, залога и т. д.). Между тем это влияние очень велико. Внутрилексемные различия, основанные на грамматической противоположности, интересны прежде всего тем, что почти все они носят поляризованный характер (*невежа* — м. и ж. род, *лист*, *крошка* — единичность и множественность). Эти явления Е.Х. Жаркова [6, с. 96] называет «лексико-грамматическим типом энантисемии» или внутрисловной антонимии, представляющей собой семантическую поляризацию в пределах одной формы. Эти случаи можно отнести к области «скрытой грамматики», поскольку здесь «лексико-грамматическая поляризация

не получила формального выражения и скрытые внутри формы различия эксплицируются на синтаксическом уровне» (там же).

Такая энантиосемия свойственна существительному «родня»:

«А тот, чахоточный, родня вам, книгам враг...» (А.С. Грибоедов «Горе от ума»).

Ср. также:

«Вот он — Юрий Петрович Любимов. Осанистый, но не барственный. Волевой, но не жёсткий. Богема и аристократ в одном лице» (Вл. Новиков «Высоцкий» // Новый мир. 2001, № 11. С. 83).

Как видим, реальное грамматическое (морфологическое) значение слова *богема* реализуется только на уровне синтагматики.

Дистрибутивное значение форм числа описано еще Ф.И. Буслаевым [5, с. 416], отметившим, что имена существительные употребляются вместо множественного, когда обозначают какой-либо предмет, в отдельности относящийся к одному из многих, о ком говорится: *их грудь, их голова, их душа*. Хорошо известны лексические ограничения, связанные с проявлением этого значения: оно типично для существительных конкретной семантики (*у этих телевизоров испорчен кинескоп*), особенно частотно у соматических терминов, так что это обстоятельство находит даже отражение в определениях дистрибутивного значения. Так, Л.Л. Буланин [4, с. 57] считает, что это значение связано с принадлежностью лицу. Ср. также замечание О.Н. Ляшевской [13, с. 290] о том, что «большинство примеров на дистрибутивное употребление приходится по статистике на названия частей тела».

Синтагматика форм в дистрибутивном значении также обращала на себя внимание, хотя выводы зачастую были неоднозначными. Так, А.А. Шахматов [19, с. 443] указывал, что это значение проявляется у существительного только в синтаксической функции дополнения. Л.А. Брусенская [3, с. 57-58] отметила, что это значение более свободно в синтаксическом плане и проявляется также в позиции подлежащего (см. примеры в указанной работе).

Дистрибутивное значение допускает альтернативу для своего выражения — единственное или множественное число имени (и это связано с двойственной, синкретичной природой этого значения, которая передает одновременно два смысла — «один» и «много»), эти формы взаимозаменяемы (*они опустили голову = они опустили головы*). Однако можно указать некоторые синтагматические предпосылки преимущественного использования одной из числовых форм. Одна из них была подмечена еще Ф.И. Буслаевым [5, с. 416]: если один и тот же предмет относится в отдельности к разным, названным

собираемым именем единственного числа, то название этого предмета ставится во множественном числе: *народ снял шапки*.

Другое наблюдение было сделано И.И. Ревзиным [16, с. 102-109]: в случае выбора каждый раз одного элемента из объемлющей совокупности, особенно, когда это подчеркивается выделяющими (индивидуализирующими) прилагательными, употребляется лишь множественное число, например:

Женщины бросились в воду как были — в богатых, празднично расцвеченных юбках (невозможно — *в богатой, празднично расцвеченной юбке*).

Ср. также:

В вагон вошли старики, очевидно, купцы, в ильковых шубах и суконных картузах (Л. Толстой). Цитата по Ляшевской О.Н. [13, с. 290]. Ряд интересных наблюдений, касающихся синтагматики дистрибутивности, сделан в работе О.Н. Ляшевской [13, с. 289]. В разделе «Дистрибутивность как фактор числового поведения существительных» О.Н. Ляшевская [13, с. 292] прежде всего, обращает внимание на то обстоятельство, что дистрибутивное употребление составляет особенность семантического устройства обоих числовых граммем, а это не тривиальный феномен. В других языках иначе: в польском языке в дистрибутивном контексте предписывается употребление формы только множественного числа, во французском — только единственного. Но в русском языке плюральные и сингулярные формы в дистрибутивном значении далеко не всегда взаимозаменяемы. Так, предложно-падежные формы типа *по лбу, на нос, за голову* (формы с переносом ударения на предлог), также *изо рта, на душе* (адвербиализованные сочетания) имеют в своем составе всегда сингулярное имя:

Советники надели на нос очки;

Они сидели, выпуская изо рта кольца едкого дыма.

Формы единственного числа требуют при себе квантификаторы, например — слово *каждый* (в таких случаях вводится в рассмотрение ситуация с одним объектом, а затем предцируется ее истинность для всех элементов множества). Исключения — существительные *plurality tantum*:

Каждые часы имеют своего хозяина.

В дистрибутивной конструкции с предлогом *по* также возможно только единственное число:

Мальчишкам дали по яблоку.

Множественное состояние. Это значение в русском языке впервые отмечено еще М.В. Ломоносовым [11], который обнаружил

его в случаях типа *поставлен в игумены, взят в солдаты, посвящен в попы, выбран в целовальники*. Само наименование - «множественное состояния» - принадлежит А.А. Шахматову [19, с. 442]. Особенность этого значения еще и в том, что оно, как отмечает Г.Д. Архипкина [1, с. 198], целиком детерминировано предложно-падежной формой. См. также: И.И. Ревзин [16, с. 102-109], Е.Н. Прокопович [15, с. 192-198], Т.В. Лихошвай [12, с. 136], Л.А. Брусенская [3, с. 78-81].

Ср.: форма *пойти в солдаты, в люди, в жены* квалифицируется как «старая форма винительного падежа» [Русская грамматика, 1980 : 445]. В «Коммуникативной грамматике русского языка» Золотовой Г.А., Онипенко Н.К., Сидоровой М.Ю. [7, с. 308] она характеризуется как «винительный собирательный».

В этом значении по преимуществу используются личные существительные, в том числе — субстантивы: *Он очень рано попал в число «постылых» и с детских лет играл в доме роль не то парши, не то шута* (М. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»); *Гость не рядил Ивана в сумасшедшие...* (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»). Подобные конструкции используются для выражения чужой оценки, а не изменения социального состояния субъекта:

Любите вы всех в шуты рядить (А. Грибоедов «Горе от ума»).

Ср.: «Особенность конструкций типа *рядить в шуты* состоит в том, что говорящий, передающий чужое мнение, знает, что содержащаяся в нем оценка неадекватна действительности. Множественное собирательное и здесь обнаруживает отношения эксклюзивности, но в данном случае речь идет о несовпадении мнений субъекта и говорящего» [7, с. 308]. При этом термин «эксклюзивность» понимается как исключенность говорящего из состава действующих лиц, либо соприсутствие, но не участие его в действии.

Названия неллица окказиональны; ср. метафорические и метонимические наименования:

...а вот этот молодой да ранний лезет в волки, а хвост собачий (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»);

Оба (Маяковский и Пастернак) в стихи пришли из другого (М. Цветаева «Эпос и лирика современной России»).

Ср. антономасии на базе таких конструкций:

Мы все глядим в Наполеоны (А. Пушкин «Евгений Онегин»);

Ср. также:

Когда б ты знала, жизнь мою губя, что я бы мог бы выйти в папы римские, А в мамы взять, естественно, тебя (В. Высоцкий «Лекция о международном положении»).

По наблюдению Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой [7, с. 305], чаще в таких моделях используются имена в соединении с полузнаменательными бытийными глаголами (*быть, пребывать, жить, работать, служить*). Отсутствие экзистенциального глагола возмещается темпоральными показателями (*теперь, сейчас, тогда, вчера, сегодня, временно, постоянно*), которые в рамках данной субъектной сферы выделяют определенный временной отрезок: *Аксинья? Она в горничных теперь* (М. Шолохов «Тихий Дон»).

Именно предложно-падежная конструкция детерминирует особое значение множественного числа в таких синтаксемах — не связанное с идеей количественно ограниченной счетности и дискретности, а нацеленное на передачу значения открытого и пополняемого класса. Ср.:

Вот то-то мне и духу придает, Что я, совсем без драки, Могу попасть в большие забияки (И. Крылов «Слон и моська»);

Ни один гражданин Российского государства, когда-либо вступивший в иную партию, не в большевики, уже судьбы своей не избежал, он был обречен, если не успевал, как Майский или Вышинский, по доскам крушения перебежать в коммунисты (А. Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»).

В «Коммуникативной грамматике русского языка» отмечается фазисное значение формы *в солдаты*, которое обнаруживается в ряду: «в + Вин.» — «в + Предл.» - «из + Род.» : *Пошел в солдаты — служил в солдатах — из солдат да в начальники*. См. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. [7, с. 304-305]. Итак, значение, именуемое «множественное состояния» реализуется в жестких конструкциях:

1. глагол + Вин. п. множественного числа с предлогом *в*: *выйти в люди*;
2. глагол + Пр. падеж множественного числа с предлогом *в*: *жить в рабочих*;
3. форма Род. п. множественного числа с предлогом *из*: *из интеллигентов*;
4. форма Род. п. множественного числа с предлогом *с*: *с мальчиков* (*Я в лагере вырос. С мальчиков в тюрьме*. В. Шаламов «Курсы»).

Одно из самых «контекстных» значений формы множественного числа — это *множественное гиперболическое*, которое имеет сходство с художественным тропом — гиперболой. При рассмотрении онтологии гиперболы исследователи, как правило, обращаются к категориям логики, так как в основе гиперболизации лежит

переосмысление истинностного значения высказывания. Ложность высказывания приобретает в гиперболе узаконенное основание, ибо гиперболическое высказывание заведомо ложно по форме. Адекватность восприятия гиперболического высказывания основывается на том, что объективная закономерность связей и оценок явлений реальной действительности зафиксирована в тезаурусе воспринимающего индивида и находит отражение в языковом узусе.

О гиперболе, как и о гиперболическом множественном числе, можно говорить только в составе высказывания. Ср.:

Селуянов быстро набрал номер телефона Каменской.

—Привет хромым от голодных и усталых, — весело поприветствовал он ее. Хочешь оказать неоценимую помощь? (А. Маринина «Закон трех отрицаний»). Формами множественного числа (*хромые, голодные, усталые*) названы единичные референты.

Изолированное множественное число имени само по себе не может быть квалифицировано как гиперболическое. Сам термин — множественное гиперболическое, был введен А.А. Потебней [14, с. 254]. А.А. Потебня [14, с. 254] отмечал также, что гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающий видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редка, лишь в исключительных случаях встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности. Если упомянутое чувство не может увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновенным враньем. Многие исследователи и, в частности, Л.П. Крысин [9] считают важным условием гиперболизации наличие некоторой исходной величины, ибо преувеличиваться не может ноль.

Ср. числовые формы в речи чеховского персонажа, который испугался разбойничьего вида возницы (рассказ «Пересоллил»):

—Я вот еду, а начальству известно... так и глядят, чтоб мне кто-нибудь худа не сделал. Везде по дороге за кустиками **урядники да сотские понатыканы**... (множественность подчеркивается не только собственно формами множественного числа имени, но и способом глагольного действия, непременно предполагающим множественность актантов).

Реализация гиперболического значения часто сопровождается сочетаемостью со словами *разные, всякие, какие там*, с помощью которых, помимо собственно гиперболы передается пейоративная оценка:

«Тату» будут выступать с крутыми знаменитостями. По мнению продюсера дуэта, «татушки» и без всяких там

«Евровидений» явно дают понять: они — лучшие (Комсомольская правда, 30 мая 2003 г.).

Поскольку гиперболическое высказывание заведомо не дает точной картины событий и это ясно как адресанту, так и адресату, коммуниканты ищут иной — оценочный — смысл в гиперболическом высказывании.

*Чья собака? Я этого так не оставлю! Я покажу вам, как **собак** распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям* (А. Чехов «Хамелеон»);

*—Все ездят в Турцию отдыхать, — мечтательно произнес Селуянов. — Вот ты, Серега, был там хоть раз? — Не-а. А ты? — И я не был. У меня как отпуск — так к родителям на дачу, вкалывать... А эти все **по Турциям** разъезжают!* (А. Маринина «Закон трех отрицаний»)

Во всех этих примерах есть общая черта: вначале ситуация описана обычно, с использованием числовой формы, соответствующей денотативному содержанию; затем эта же лексема используется в форме множественного гиперболического, которая представляет предмет, ситуацию как множественную (даже если это алогично, как «Турция»). Интенции отправителей речи совершенно понятны — выразить негативное отношение, отрицательную оценку [2, с. 84-90].

Известны типичные конструкции, предопределяющие появление гиперболического множественного числа:

1. глагол с отрицанием (*не устраивай истерик*);
2. имя существительное с предлогом *без* (*без капризов*);
3. сочетания с отрицательным местоимением (*никаких подруг, никаких отдыхов*);
4. сочетания с выражением *какие тут*;
5. сочетания с прилагательным *разные* (*разные там*).
6. «поддерживают» гиперболическое значение атрибуты типа *бесконечные, всякие, все эти и под*.

Характерно, что такая сочетаемость свойственна даже именам собственным, которые, будучи использованы в форме множественного числа в подобных конструкциях, формируют особый троп — антономасию. Ср.:

Тихой сапой, без лишнего ажиотажа, с помощью всяких там аксененко и чубайсов и иже с ними принимается принципиальное решение о распродаже («приватизации») железных дорог (Советская Россия, 13 февраля 2003 г.);

Все эти наши Тодоровские не получают больших аплодисментов и «Оскароров» (Известия, 27 февраля 1998 г.);

Творцы передачи «Памяти Астафьева» на канале «Культура» хорошо знали, что делали: они обратились только к одному произведению писателя — последнему роману о войне, в котором шельмуется наша армия, ее «бездарный» командный состав, хотя лестные отзывы о наших маршалах есть даже у наших врагов по Великой Отечественной войне. К сожалению, в этой книге В. Астафьев смыкается с разными волкогонными, для которых при советской власти все было не так и не эдак (Советская Россия, 11 февраля 2003 г.).

Таким решением могла бы быть передача «шестой кнопки» государственному телеканалу Белоруссии, чтобы жизнь этого союзного государства освещалась по всей России из первых рук, а не всякими ступниковыми и шереметами (Советская Россия, 24 июня 2003 г.).

Как отмечается в «Коммуникативной грамматике русского языка» См. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. [7, с. 303] соединение идеи субъектной перспективы и теории коммуникативных регистров сделало возможным антропоцентрическую интерпретацию традиционных объектов морфологии и лексики, например, категории числа, а точнее — формы множественного числа в предложениях типа *Я университетов не кончал, Ходят тут всякие*. Действительно, антропоцентрический подход, при котором человек — отправитель и получатель речи — стоит в центре языковой картины мира, позволяет объяснить и те факты естественного языка, которые прежде представлялись случайными и произвольными (к таким фактам относили и множественное гиперболическое число).

Множественное условной неопределенности. Как известно, множественное число вообще обладает значением неопределенности (в том смысле, что указывает на неопределенное множество предметов, тогда как определенное множество выражается с помощью специальной части речи — числительного). Однако возможна неопределенность особого вида – оставляющая невыраженной главную числовую оппозицию «один – много». Ср.: *И вещи ваши уже перенесли. Чемоданчик* (А. Чаковский «Блокада»). Или ср. в вопросительном предложении: *У вас есть дети?* Существуют конструкции, где обязательно употребление формы множественного числа в значении условной неопределенности: *У него нет родственников.* Нельзя **У него нет родственника.*

К несобственным функциям морфологической категории числа можно отнести выражение значения неопределенности при употреблении множественного числа существительных в случаях типа

В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом. Неопределенность является возможным (необязательным), побочным следствием категориального значения множественного числа, следствием, вытекающим из неограниченного характера множественности. Несобственные функции морфологических категорий представляют собой пример таких некатегориальных значений, которые обнаруживают тесную связь с категориальной семантикой, представляя те семантические элементы, которые не входят в знаковое содержание формы, но вытекают из него.

Значение условной неопределенности действительно называется достаточно точно: неопределенность в случаях типа *У нас гости: мама приехала* является достаточно условной — и в смысле неопределенности количественной, и в смысле неизвестности объектов кому-либо из коммуникативных партнеров. Объект идентифицируется для слушателя и тем более для говорящего в рамках одного предложения. И это предложение не допускает подстановки при рассматриваемой форме множественного числа местоимения «какой-то» (служащего показателем неизвестности объекта говорящему): **У него какие-то гости: дочка доктора приехала* [17, с. 213].

Л.А. Брусенская [3, с. 78] указала на то, что позиционным условием проявления значения условной неопределенности является реализация гипонимической амплификации: в высказывании обязательно наличествуют два слова, объединенные общей референцией, причем первое из них является гиперонимом, а второе — гипонимом, и форма множественного числа «характеризуется признаком первого упоминания».

Важно подчеркнуть стилевую (жанровую) ограниченность множественного условной неопределенности. Если в разговорном стиле (и в художественном тексте, отражающем бытовое общение) вполне возможно: *У нас гости: мама приехала*, то в дипломатическом дискурсе (разновидность официально-делового стиля) совершенно невозможно* *У нас гости: канадский премьер-министр*. [10, с. 130]. То есть неопределенность в таких разговорных конструкциях сохраняется по желанию отправителя речи, а затем преодолевается с помощью уточнения.

«Нейтрализация может быть конвенциализированным следствием коммуникативных причин, например, того факта, что говорящий просто не владеет соответствующей информацией. Во фразе *У него есть дети* слово *дети* может обозначать и одного ребенка, то есть оно нейтрально с точки зрения главного семантического противопоставления (ср. *На него напали волки*, где

также речь может идти об одном животном, в отличие от *На него напал волк*, где не допускается двойное прочтение)» [8, с. 272]. Для выражения неопределенного лица используются переносно некоторые формы глагола. Так, в русском (а также латинском и многих других) в качестве основного средства выражения неопределенности выступает форма 3-го лица множественного числа без подлежащего.

Категория числа, обладающая ярким номинативным элементом в семантическом содержании, реализует свои значения с опорой на характерную синтагматику. Значения, которые часто определяются как языковые семантические функции (в отличие от базовых значений), реализуются только в определенных синтаксических условиях. Кроме того, можно указать и на контекстные элементы, которые «поддерживают» выражение некоторых значений (то есть часто сопутствуют им, служат маркерами этих значений).

Семантика определяет характерные черты синтактики имени существительного, прежде всего — возможность или невозможность соединения с количественными числительными. В рамках значения собирательного имени присутствуют не только семантические компоненты количественной характеристики (какими является значение множественности), но и в то же время иных типов значения — значения объединения, значения исчерпанности множества — именно в этом причина того, что семантика собирательности лежит вне категории считаемости.

Список литературы:

1. Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа. Монография. Ростов н/Д, 2005. С. 267.
2. Беляева И. В. Прагматическое содержание количественной оценки. Дис. ... канд. филол. наук, Ростов н/Д, 2004. 152 с.
3. Брусенская Л. А. Семантический и функциональный аспекты интерпретации категории числа в русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Ростов н/Д, 1994.
4. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии М., 1976. 205 с.
5. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. 450 с.
6. Жаркова Е. Х. // О внутрисловной семантической поляризации в именах русского языка. Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Харьков, 1989. Ч. 1. Вып. 3. С. 95-97.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., изд-во МГУ. 1998. 524 с.
8. Кронгауз М. А. Семантика. М., 2001. 399 с.

9. Крысин Л. П. // Гипербола в русской разговорной речи. Проблемы структурной лингвистики. М., Наука, 1988.
10. Ли С. Позиционная обусловленность числовых значений русского существительного (граммема множественного числа). Дис. ... канд. филол. наук, М., 2002.
11. Ломоносов М. В. Краткое руководство красноречию, книга первая, содержащая Риторику. Сочинения Ломоносова. СПб, 1850. Т.3. С. 613-617.
12. Лихошвай Т. В. Синонимия форм числа и собирательных имен существительных русского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1986. 180 С.
13. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М., 2004. 390 с.
14. Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Теоретическая поэтика, М.: Высшая школа, 1990.
15. Прокопович Е.Н. О некоторых образованиях множественного числа в русском литературном языке // Мысли о современном русском языке. М.: Наука, 1969. С. 192-198.
16. Ревзин И. И. Так называемое «немаркированное» множественное число в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1969. № 3. С. 102-109.
17. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка». Харьков, 1990. 302 С.
18. Чейф У. Значение и структура языка / Пер. с англ. Г.С. Щура. М.: Прогресс, 1975. 432 с.
19. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 617 с.

РАЗЛИЧИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ КВАНТИФИКАЦИИ

Гайломазова Елена Сергеевна

к. фил. н., доцент РИЗП, г. Ростов-на-Дону

E-mail: elena.gailomazova@yandex.ru

В настоящее время лексические и грамматические свойства лексемы рассматриваются как два относительно автономных, но вместе с тем взаимодействующих аспекта проявления лексемы в языке и речи. Исходя из принципиальной разрешимости антиномии лексического и грамматического в лексеме, можно говорить о необходимости учета лексико-семантической парадигмы лексемы при описании ее грамматических свойств вообще и переносных грамматических значений в частности.

Различие лексической и грамматической квантификации обычно связывают с основополагающими признаками лексики как первичного способа передачи явлений внеязыковой действительности и отношений между ними (с той или иной степенью конкретизации) и грамматики как более абстрактного и обобщенного способа отражения внешнего мира. Ср.: «На лексическом уровне языкового комплекса особо выделяются числительные, к которым семантически тяготеют слова меры и веса, нумеральные слова, денумеративы (производные от числительных прилагательные, наречия, глаголы) и другие элементы, реализующие значение количества сопутствующими семами» [3, с.47]. Полагаем, что считать числительное исключительно или по преимуществу конститuentом лексического уровня неправомерно хотя бы в силу того, что количественная определенность составляет специфику категориального (то есть частеречного, обобщенного) значения этого класса слов. А части речи традиционно относятся к сфере морфологии (грамматики), и это имеет глубинные обоснования (идентичные по лексическому значению слова, например — глаголы и отглагольные существительные — относятся к разным частям речи исключительно по грамматическим признакам).

Интересно, что, устанавливая типы слов, А.А. Реформатский выделил имена числительные в особую группу, противопоставив их как особый класс и знаменательным, и служебным словам на том основании, что имена числительные не имеют номинативной функции и не выражают обычного понятия. Числительные, по мысли А. А. Реформатского, лишены номинативной функции, поскольку, выражая матема-

тические понятия, они «не связаны с реальными вещами». Л. Д. Чеснокова [6, с.21] совершенно правомерно возражает, что, следуя этой логике. Придется отрицать номинацию и у существительных, обозначающих отвлеченные понятия (они тоже не называют «реальных вещей»).

Гораздо более продуктивной представляется идея соотношенности имен числительных и собственных существительных, которая высказана в ряде работ. Подобно именам собственным, числительные носят на себе печать выделения, отграничения одного признака количества от другого, не выражая собой никакого содержательного понятия. Л. Д. Чеснокова пишет о том, что называемый именем числительным предмет является единственным в своем роде: слово *пять* называет единственное во всей счетной системе число так же, как существительное *Эльбрус* называет единственную в своем роде горную вершину Кавказа, но при этом уточняет, что о бессодержательности понятия у числительных вряд ли может идти речь.

Пблевые исследования квантификации дали детальное представление о вовлеченности равноуровневых средств языка в выражение количественной семантики. Известны морфемы уменьшительности и увеличительности, единичности, множественности, двойственности, количественной приблизительности (англ. *uni-, mono-, di-, bi-, poli-, -let, -ie, deci-, hecto-, -let, -ie*; русск. *одно-, уни-, макро-, микро-, поли-, -еньк, -ище, -ищ, -ин* и под.). Ср. образования типа *деньжищи*, когда «к числу признаков, отраженных в лексическом значении мотивирующего слова, прибавляется количественный признак величины, отраженный в значении суффикса» [4, с. 127]. Ср. также: *Зяма был дико рукастый. Всю столярку на даче он всегда делал сам.* (А. Ширвиндт «Schirwindt, стертый с лица земли»).

К общеязыковым средствам передачи количественной оценки относятся отдельные прилагательные (*целый*) и частицы (*только, всего, аж*). Атрибутами *добрый, битый, целый* говорящий выражает мнение, что называемое количество в данной ситуации слишком большое, а словами *только, лишь всего, несчастный, жалкий, какой-нибудь, какой-то* — говорит, что считает называемое количество маленьким. Авторы Нового объяснительного словаря синонимов русского языка отмечают, что слова *только, лишь, всего* наиболее объективны. Ср.:

Однажды, вспоминает А.Е.Крученых, сидели за столом Маяковский, хлебников и Ю.В.Саблин, военачальник, герой гражданской войны. Саблин сказал, что награжден боевым орденом, на котором пятый номер. И шутливо добавил: — Таких, как я, во всей стране только пять. Маяковский возразил: — А таких, как я, — только один. Хлебников: — А таких, как я, — и вовсе нет (З. Паперный).

Слова *жалкий*, *несчастный* справедливо относят к наиболее субъективным и эмоциональным: говорящий считает, что количество чего-то оскорбительно мало, что не заслуживает обсуждения. С помощью слова *целый* говорящий сообщает, что количество чего-либо выше нормы и ожиданий; возможно, говорящий сам удивлен, что количество так велико:

Целых тридцать любителей очутились в воде (И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»).

В случае со словом *аж* говорящий не столько выражает собственное удивление, сколько приглашает слушающего удивиться тому, что количество оказалось таким. Различие между *целый* и *аж* состоит в том, что у первого слова компонент «много» всегда непосредственно относится к количеству, а второе возможно и при описании процессов минимизации (само количество мало, велика лишь разница между этим количеством и нашим ожиданием: *Она уже весит всего 55 кг, а собирается похудеть аж до 50* (слово *целый* здесь невозможно).

В отличие от других прилагательных, слово *целый* в количественных сочетаниях употребляется только перед числительным: *целых десять лет*, **десять целых лет*.

Хорошо известны средства создания значения приблизительности: измененный порядок слов (*минут пять*, *лет сорока*), сочетание двух числительных (*осталось 20-25 экземпляров*), сочетания числительных со словами типа около, свыше (*ему около сорока лет*). Причем обычно во всех этих позициях для передачи приблизительного количества используются «круглые» цифры. Именно нарушение этого обычного способа представления приблизительного количества (вместе с абсурдностью самого числа) вызывает комический эффект в рассказе И.Ильфа и Е.Петрова «Собачий холод»: *А мой дедушка... в самую стужу, так, знаете, градусов шестьдесят четыре, ходил в лес по дрова...*

Лексические средства выражения количественности многообразны, причем нередко они подвергаются грамматикализации. Практика использования числовых форм. Обычная практика использования квантификации может быть описана как идиоматика языка или идиоматический принцип (the idiom principle). За этим понятием стоят специфичные и уникальные черты языкового употребления, которые выводятся из привычек, традиций, норм. Например, в русском языке выделяют так называемое «множественное привычное» (для слов *двери*, *гости*), которое используется даже по отношению к единичному денотату.

Идиоматичны (в указанном смысле) формы множественного числа со значением парной сегментации (парного комплекта),

предметов одежды (*перчатки, рукавицы, ботинки*), украшений (*серьги, клипсы*) и т.п. Интересно, что такие *plurality tantum* переводятся на финно-угорские языки формами единственного числа. К средствам квантификации признака относятся многочисленны деривационные средства, которые «не столько описывают положение вещей, сколько подчеркивают, что субъект высказывания заинтересованно относится к событию, о котором идет речь» [2, с.43]: *большущий, малюсенький* и под. Национально специфические представления квантитативности воплощаются в системе ФЕ.

Среди морфологических средств выражения количества обособляются именная категория числа и степени сравнения. Известны языки, лишенные категории числа и передающие количественные параметры объекта не грамматикализованными, а лексическими средствами. Языки с категорией числа отличаются друг от друга «масштабностью» этой категории: 1. число выражается формально у всех частей речи (русский, немецкий, французский, хинди); 2. нет числовых различий у прилагательных (английский, венгерский, турецкий, японский, китайский, корейский, монгольский); 3. не различается число у глагола (английский — в 1 и 2 лице, скандинавские языки, японский, монгольский, китайский); 4. имеются факультативные различия чисел у существительных (турецкий, монгольский).

Известно, что в ранние эпохи развития славянских, германских и балтийских языков, а также в санскрите и древнегреческом категория числа была трехчленной (включала и двойственное число, которое принимали наименования парных предметов). В современных индоевропейских языках категория двойственного числа утратилась, оставив различные по значимости следы своего существования; ср. русские сочетания имени с числительными *два, три, четыре* по единственному числу (этимологическое двойственное). Двойственное число сохранилось в современном литовском языке. В английском языке остатки двойственного числа сохранялись до XIII века. Двойственное число имплицитно подразумевает множественное число — иначе говоря, что двойственное число не может существовать в языке без наличия в нем множественного числа, тогда как обратное не имеет силы, позволяет нам сделать вывод, что в известном смысле множественное число является в человеческом языке более фундаментальной категорией, чем двойственное число.

Есть языки с формами паукального и «большого паукального числа» (*greater paucal*), множественного и «большого множественного числа» (*greater plural*). Последнее передает значение избыточного количества или всеобщности. Так, Э. Кассирер сообщает, что в языке

абипонов существует две формы множественного числа: одна — для небольшого количества (от двух до девяти), вторая — для количества, большего, чем девять.

Весьма редкие случаи четырех грамматических чисел — с тройственным числом — представлены в папуасских языках (ава, киуаи, биака), а также в языке хопи. Помимо тройственного, иногда выделяют еще и четверственное число, однако Г. Корбетт [7] приходит к выводу, что в реальных текстах они все-таки получают значение паукального числа, а значение «четыре» реконструируется у них только этимологически. Таким образом, в самых развитых системах числа существует не более пяти противопоставлений.

Идея квантификации передается на морфологическом уровне с помощью категории сравнения. Точкой отсчета выступает положительная степень. Помимо формантов, идея степени сравнения может быть передана супплетивно. Наличие супплетивных форм образований в самых разнообразных языках свидетельствует о том, что человек не сразу научился выражать количественные различия внутри качественных характеристик. Супплетивность исторически следует понимать не как «замену» одних прилагательных другими, а как известную «разорванность» грамматического ряда, внутреннее единство которого было, по-видимому осмыслено лишь впоследствии» [1, с. 266].

Дополнительным средством выражения числовых различий выступает акцент. Оппозиция ударений не реализует самостоятельно признаковую функцию маркера и может быть соотнесена только с глубинной семантикой, а именно: вместе с оппозицией флексий она указывает на то, что мы имеем дело с реальным множеством предметов, большей протяженностью в пространстве или во времени. «Использование двух значащих оппозиций вместо одной (образно выражаясь, двух сигналов) играет ту же роль, что и повтор: увеличивает надежность того, что прагматическая информация, соотносящаяся с глубинной семантикой, будет точно и своевременно воспринята... При этом особую роль играет здесь еще и большая изобразительность и выразительность (экспрессивность) двойного сигнала» [5, с.48]. Хотя ударение не может быть причислено к облигаторным средствам числовых различий, оно используется в соответствии с определенной семантикой и сочетается с ней систематически. «Связь между такими формальными средствами, как оппозиция ударений, и глубинными количественными отношениями при этом не случайна, ибо она определяется спецификой взаимодействия изобразительных средств и материальной природой отношений, которые они выражает. Так, ударяемый слог может выделяться как самый *долгий* (изображая количественные отношения) или

как самый *интенсивный* (изображая активность, противопоставленную пассивности) — [5, с.49]; ср.: *холод — холода́*.

Специализированно квантификативной части речи — числительному некоторые сторонники полевого подхода в лингвистике приписывают роль центра (ядра) поля квантитативности, хотя чаще эта роль отводится категории числа, как наиболее специализированному, универсальному и облигаторному средству передачи количественных отношений.

На синтаксическом уровне количественная семантика передается с помощью «квантитативных сочетаний», включающих элементы «количество» + «субстанция», а также разных типов повтора, которые, помимо значения количественной множественности, передают и значение интенсивности признака или состояния. По данным из работы: [8, с. 297-334], самым важным значением, выражаемым удвоением слова в различных языках, является увеличение количества, которое разделяется на два основных вида: обозначаемое количество и подчеркнутое количество. Последнее подразумевает выражение увеличения интенсивности движения (для глаголов) и степени качества (для прилагательных), соответствующих главному значению.

Языковой повтор не имеет своего прямого денотата в объективной действительности (как слово), то есть, объективное явление может быть отражено в мыслительном процессе лишь один раз, но его отражение может повторяться дважды или большее число раз. Реально существует некоторое количество однородных предметов или явлений, которое в процессе познания субъективно осмысливается на гносеологическом уровне с определенной точки зрения. Таким образом, повтор как бы «вносится» в объективную действительность в результате ее субъективного осмысления и оценки: *Рассчитывать на помощь не приходилось: у Егора Михайловича накоплений не осталось, у брата Митрофана достатки скромнее скромного* (А. Кузичева «Чехов»).

Ср. как одно из типологических свойств цветаевской поэтики — доведение признака до его абсолютного максимального предела — реализуется с помощью грамматического повтора, когда повторяющиеся формообразующие суффиксы превосходной степени качества прилагательных обеспечивают смысловое сближение слов:

И пока пересыпают из решета в миску ягоды, Кирилловна... не отпуская все еще потупленными глазами уходящую спину матери, спокойно и неторопливо — в ближайший, смелейший, жаднейший рот (чаще — мой!) ягоду за ягодой, как в прорву (М. Цветаева «Кирилловны»); *Нет, богатеи́шая и консервативнейшая жена консервативнейшего из историков ...* (М. Цветаева «Открытие музея»).

Известно, что качество информации напрямую связано с количеством средств ее воплощения, ср. анафору:

“The result of an upright, sober and godly life,” he laughed. “Plenty of work. Plenty of exercise...” (S. Maugham).

Эффект большей законченности высказывания создает эпитопа:

“You have a splendid rank/ I don’t want you to have any more rank. It might go to your head. Oh, darling, I’m awfully glad you’re not conceited. I’d have married you even if you were conceited but it’s very restful to have a husband who’s not conceited.” (E. Hemingway).

Интересен случай, когда повтор, будучи древнейшим по происхождению и в то же время актуальным способом представления именованно-качественного множества), передает не обычный для него смысл не «много», а значение «мало»: *Конечно, по уму-то надо было через руководство действовать, как-никак — коллега, но время, время, время... Его не хватало* (А. Маринина «Закон трех отрицаний»).

Как отмечает И.В. Беляева, такое свойство обнаруживают, пожалуй, только два слова: *время* и *деньги*.

Помимо повтора квантификация передается специальными конструкциями. Ср. формы родительного падежа множественного числа (нередко — в сочетании с повтором) в случаях типа *Народу-то!*

Два часа ночи. Куда же идти ночевать? Домов-то, домов! Чего проще... В любой постучать (М.Булгаков «Записки на манжетах»);

Еще девочкой на ней сиживала, уж годов, годов той печке! (Е. Носов «Шопен, соната номер два»);

В синтаксической науке достаточно традиционно выделение так называемых количественных придаточных, которые обычно вводятся транслятивным речением, состоящим из количественного наречия и какого-либо употребительного транслятива. В латыни транслятивом количественного придаточного является *quantum* ‘насколько’: *quantum in te erit* ‘насколько будет в моих силах’. В английском транслятивом количественного придаточного служат речения типа *as much as* ‘насколько’: *for as much as I know* ‘насколько мне известно’; *as far as I can Judge* ‘насколько я могу судить’. В русском языке транслятив количественного придаточного идентичен вопросительному слову вопроса к ядру о количестве *сколько*: *сколько можно судить, сколько я знаю* и разговорное *сколько угодно*.

При переводе один способ квантификации нередко заменяется другим. Ср. случай, где повтор в тексте оригинала заменен (вполне правомерно) формой компаратива:

Leila gave a light little laugh, but she did not feel like laughing. Was it could it all be true? It sounded terribly true. Was this first ball only the beginning of her last ball, after all? At that the music seemed to change; it sounded sad, sad; it rose upon a great sigh. Oh, how quickly things changed! Why didn't happiness last for ever? For ever wasn't a bit too long? (K. Mansfield "Her First Ball").

Лейла неожиданно для себя коротко рассмеялась. Но ей совсем не хотелось смеяться. Неужели все это правда? Конечно, правда. Значит, ее первый бал лишь начало ее самого последнего бала? Вроде, и оркестр заиграл как-то иначе, печальнее, и вместо веселой мелодии зал стал заполняться тяжелыми вздохами. Лейла даже не успела осознать, отчего все так быстро переменялось. Но отчего счастье не может быть вечным? Разве это для него слишком долго?

Как известно, чем больше внимания уделяется семантике в ее языковой интерпретации, тем более значимой становится проблема формы. Если исходить из обоснованного А.А. Потембной понимания содержания языковых единиц как формы по отношению к содержанию внеязыковому, то в любой грамматической форме на первый план выдвигается ее семантическое и прагматическое содержание.

Список литературы:

1. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М.: Гос. учебно-пед. Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 435 с.
2. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»/«плохо» // Вопросы языкознания, 1985. № 5. С. 98-106.
3. Категория количества в современных европейских языках / Под ред. В. В. Акуленко. Киев: Наукова Думка, 1990. 278 с.
4. Лыков А. В. К вопросу о содержании и средствах выражения в языке категорий качества и количества // Единицы языка в функционально-прагматическом аспекте. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2000. С. 120-130.
5. Хазагерев Т. Г. Ударение в русском словоизменении. Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1985. 208 с.
6. Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов н/Д : Изд-во «Гефест», 1997. 291с
7. Corbett G. G. Number. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 358 pp.
8. Moravcsik E. A. Reduplicative constructions // Universals of human language. Vol. 3: Word structure / J. Greenberg (ed.). Stanford (California): Stanford UP, 1978. P. 297-334.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ САКРАЛЬНОГО

Дульянинов Анатолий Георгиевич

канд. пед. наук, доцент ИГЛУ, г. Иркутск

E-mail: aduljaninov@yandex.ru

Интерес к феномену сакрального определен тем обстоятельством, что представления о сакральном остаются нерешенной проблемой. Основные проблемы в понимании природы сакрального связаны с расхождением в трактовке онтологического статуса реальности, проявлением которой выступает данный социокультурный феномен.

Как отмечает А.Г. Дугин, сакральное по определению шире, чем религиозное. Сакральное измерение может обнаруживаться даже у тех вещей, которые находятся вне компетенции религии, догматики: например, особое переживание природы, политических и социальных событий, неквалифицируемых конкретно внутренних состояний — все это может иметь отношение к интуиции сакрального. Сакральность характеризуется специфическим видением мира, в котором любой объект, любая вещь распознается как образ, символ, как сгусток духовной энергии, «силы». Это измерение реальности вызывает в душе человека очень своеобразное резкое чувство, особый трепет, который сопряжен с широким комплексом сложных ощущений [3].

Щ. Тшуд отмечает, что сакральное — мировоззренческая категория, обозначающая свойство, обладание которым ставит объект в положение исключительной значимости, непреходящей ценности и на этом основании требует благоговейного к нему отношения. Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически — заключает истинное знание, в сути своей непостижимое; феноменологически сакральное — дивное, поразительное; аксиологически — абсолютное, императивное, глубоко чтимое [10].

П. Труссон говорит о том, что сакральное и религиозное, божественное и сакральное являются различными понятиями. Сакральное превосходит религиозное уже тем, что весь акт человеческой жизни сам по себе обладает сакральной ценностью. Понятие божественного по самому своему происхождению, означает небесный, светоносный источник [11].

Н.П. Цыгуля разделяет дискурс сакрального на два основных направления: «феноменологию сакрального и социологию

сакрального. В первом случае речь идёт о попытке описать опыт встречи с сакральным. Он понимается не только как предстоящий субъекту специфический объект, но и как некая глубинная сторона самого субъекта, выходящая на поверхность в ходе этого опыта. Во втором случае говорится, о тех функциях, которые сакральное выполняет в социуме и без выполнения которых этот социум не смог бы продолжать своего существования» [12, с. 10].

Согласно **А.С. Сафоновой**, с точки зрения социальных функций, можно говорить о двух типах процесса сакрализации: стихийном и целенаправленном. В первом случае главная цель сакрализации — ценностная ориентация личности в некотором смысло-жизненном поле, связанная не только с культурной, религиозной, национальной идеей, но и с личностным выбором. Во втором случае целью сакрализации является социальное управление. Процесс сакрализации выступает эффективным средством организации социальной жизни, придания ей статуса вечной неизменной упорядоченности, поскольку связан с формированием основополагающих смыслов, определяющих семантику культурных форм, нравственных идеалов, человеческих побуждений. Сакрализации может подлежать все от высшего метафизического принципа до предмета быта [9].

Как отмечает М. Элиаде, «для того чтобы очертить границы сакрального и дать ему определение, мы должны располагать достаточным количеством проявлений сакрального, «сакральных фактов». Разнообразие этих «сакральных фактов», будучи с самого начала источником затруднений, постепенно становится парализующим. Ведь речь идет о ритуалах, мифах, божественных образах, священных и почитаемых предметах, символах, космологиях, теологуменах, людях, получивших посвящение, животных и растениях, священных местах и многом другом. Притом каждая из этих категорий имеет свою, богатую и разнообразную морфологию» [13, с. 18].

Таким образом, «феноменология субстантивирует сакральное, рассматривая его как абсолютную реальность, предстоящую перед человеком в специфическом опыте, а социология рассматривает сакральное как символическое выражение самого общества и той власти, которой это общество обладает, над включённым в него индивидом. Феноменология тематизирует сакральное как трансцендентное, включённое в имманентное или феноменальное; социология же, наоборот, понимает сакральное как имманентное, объективированное в трансцендентном. Однако и в том, и в другом случае сакральное понимается как особого рода феномен, присущий

исключительно человеческой реальности, а значит, осуществляется редукция сакрального и нуминозного к тому смыслу, который они имеют для человека и человеческого сообщества. При этом, социологический подход к сакральному (в отличие от феноменологического подхода) предполагает демистификацию этого феномена и его позитивную (научную) экспликацию» [12, с. 11-12].

Существует и широкая трактовка понятия сакрального. Согласно ей, сакральное создается обществом для утверждения и сохранения базовых социальных связей и особо ценных идеалов, является атрибутом всякой культуры, охватывает как конфессиональную, так и внеконфессиональную сферы отношений человека и высших сил. Если для религиозной картины мира сакральное ассоциируется с миром божественным, сверхъестественным, потусторонним, то в рамках нерелигиозной картины мира нередко сакрализируются такие понятия и явления как Истина (например, научная), творчество (от произведений искусства до их создателей), исторические вехи, связанные с личной или общественной историей. Объект сакрализации религиозной и нерелигиозной традиций можно обозначить терминами — Абсолют и Святыня [4].

Одна из важнейших функций сакральных мифических структур в том, чтобы задавать границы повседневного бытия. При этом сакральное измерение бытия постоянно включается при выходе из границ повседневности и в целях такого выхода. Поэтому элементы мифа, магии, религии, искусства, творчества, будучи иной раз незаметно вкраплены в структуры повседневности, образуют возможности выходы за ее пределы, являются окнами в иные, трансповседневные миры [5].

И.Н. Полонская, опираясь на идеи Р. Отто, показывает, что в основе генезиса культуры находится опыт сакрального и потребность в почитании абсолютной, предельной ценности, входящая в структуру сознания. Такой опыт нередуцируем и открывает доступ к особой реальности, которая категоризируется как сакральное, «священное». Понятие сакрального выступает как комплексная категория, в которой соединены два противоположных момента: рациональный (делающий возможным существование доктринальной теологии) и внерациональный (собственно переживание нуминозного) [8, с. 42].

Сакральное действует не только на уровне сознания, но и на уровне привычек, которые предполагают соотнесённость с определёнными ценностями. По мнению В.Ю. Лебедева, сакральность оказывается семантической характеристикой ритуалатекста, относящейся к области фоновых смыслов, связанных с

формированием текста в специфической культурной среде и имеющих рефлексивную природу, то есть усматриваемых благодаря рефлексивной «связке», соединяющей актуальную ситуацию понимания текста и весь накопившийся опыт бытия человека в мире, в том числе и в сфере ритуала. Сакральность формируется благодаря упорядоченному набору смыслов, где, в частности, одними из ведущих смыслов высшего уровня являются «двоемирие», «выделенность». Сакрализации может подвергнуться любой социальный ритуал или его элемент (изолированный знак), однако в силу культурных ограничений далеко не все вещи, выступающие в качестве знаков, и целые тексты-ритуалы могут становиться сакральными. Сакральности противостоит обычная религиозность, когда ритуал осуществляет необходимые задачи религиозной коммуникации, не давая при этом возможности участникам и наблюдателям усмотреть специфические, именно сакральные смыслы. В этом случае «партитура смыслов» ритуала разрушается, в ней появляются дефекты. Нередко недостаток сакральности осознается как эстетическая дефектность. Эстетическое значение знака и сакральность не тождественны, но тесно связаны. На семиотическом уровне усмотрение сакральности связано с наличием в культуре сакральных субъязыков. В идеальной ситуации эти субъязыки закреплены в культуре и входят в структуру языковой личности ее носителей [6, с. 24-25].

Как отмечает А.С. Гализдра, вся современная система потребления выполняет сакральную функцию и воспитывает в человеке мифологический опыт предопределенности ритуалом и обычаями [2, с. 21].

А.А. Федоровских выделяет следующие признаки сакрального:

- сакральное связывается с высшей ценностью, благом, идеалом, авторитетом, и занимает в ценностной иерархии общества высшую ступень, становясь святыней;
- сакральное либо исходит, либо возносится в сферу сверхчувственного, горнего, сверхчеловеческого, божественного и превышает собой обыденный человеческий мир, проявляясь в нем как необычное, чудесное, сокрытое, запредельное, (эзотерическое, оккультное, мистическое);
- сакральное требует от человека особого опыта, готовности и возможности для встречи с ним, превышающей обычные человеческие способности;
- сакральное связывается с коллективным сознанием или бессознательным, с коллективными архетипами, верованиями, чувствами;

- сакральное, с психологической стороны вызывает благоговение, восхищение, священный трепет, и/или ужас, иррациональное поклонение, уважение, мистический страх;
- сакральное через откровение, медитацию, молитву, исповедь, проповедь, ритуалы, священные предметы культа входит в сферу обыденного, повседневного, индивидуального или социального человеческого мира;
- сакральное выявляется в разных формах (религия, миф, идеология, наука, искусство), в специфических формах и способно к трансформации [14, с. 10–11].

Отметим наиболее значимые признаки сакрализации, которые выделяют большинство ученых.

Во-первых, сакральное существует и проявляется через оппозицию профанному. В этой связи вполне правомерно утверждать, что мировоззрение (картина мира) народов формируется в рамках сакрального, которое обеспечивает его функционирование в обыденно-практической сфере.

Во-вторых, сакральное характеризует аксиологический аспект бытия, занимая высшую ступень в иерархии ценностей, идеалов, авторитетов и т.п. Кроме этого, Г. Беккер указывает на то, что данное понятие охватывает гораздо больше, чем область религиозного, духовного, божественного, и относит к нему также любое поведение, зависящее от священных соображений и сопровождающееся нежеланием изменить ценности и связанный с ними образ жизни. Подобный подход свидетельствует о формировании в рамках культуры двойной системы ценностей — светской и сакральной [1, с. 161–169].

В-третьих, сакральное как абсолютность, беспредельность отделима от профанного табуированием. Оно через ритуальные действия, религиозно-мифологические воззрения, идеологию, мировоззрение входит в сферу обыденного, повседневного бытия, как индивидуального, так и социального. Это происходит через проявление архетипов коллективного бессознательного [14, с. 10–11].

В-четвертых, основная функция сакрального, направленного на индивида и социум, заключается в обеспечении их целостности и гармоничного развития. Сакральное выступает гарантом благополучия и силой, которая способна осуществить единение разнородного [7, с. 20–21].

Таким образом, сакрализация предполагает надделение явлений и объектов мира, в том числе социальных (индивидуальных) субъектов статусом «священности», которому присущи все вышеобозначенные характеристики.

Список литературы:

1. Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и развитии. — М.: Изд-во «Иностранная литература», 1961. — 893 с.
2. Гализдра А.С. Феномен туризма: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2006. — 22 с.
3. Дугин А.Г. Философия политики. — М.: Аркогея, 2004. — 614 с.
4. Калужникова Е.А. Паломничество как ритуал (сущность и культурно-исторические типы): автореф. дис. ... канд. культурол. наук. — Екатеринбург, 2007. — 25 с.
5. Касавин И.Т. Анализ повседневности. — М.: Канон+, 2004. — 430 с.
6. Лебедев В.Ю. Семиотический анализ западнохристианского религиозного ритуала: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Москва, 2009. — 37 с.
7. Медведев А.В. Сакральное как феномен культуры: личностное бытие сакрального: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Екатеринбург, 2000.
8. Полонская И.Н. Социокультурная традиция: онтология и динамика: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Ростов н/Д, 2006. — 55 с.
9. Сафонова А.С. Сакральное как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Санкт-Петербург, 2007. — 20 с.
10. Тшуд Щ. Аспекты сакрального. — URL: www.proza.ru.
11. Труссон П. Сакральное и миф. Перевод с франц. В. Ванюшкиной. — URL: www.nationalism.org/vvv/trusson-sacral-and..
12. Цыгуля Н.П. Феномен сакрального в контексте социального бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Чебоксары, 2010. — 24 с.
13. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. — URL: www.gumer.info/.../eliade/index.php
14. Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф–религия–идеология: автореф. дис. ... кан. филос. наук. — Екатеринбург, 2000. — 20 с.

ИДИОМАТИЧНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНОИСКУССТВА

Казакова Анна Игоревна
аспирант АГУ, г. Астрахань
E-mail: liranna@bk.ru

Исследование фразеологических единиц (идиом) из дискурсивного пространства отечественных кинофильмов и их особенностей в современной лингвистике достаточно актуально.

Идиомы — самый крепкий орешек для языкознания. Один из ведущих специалистов в области фразеологии В.М. Мокиенко совершенно справедливо называет их загадкой Сфинкса. Внутренняя форма идиом, являясь носителем мотивированности, часто содержит элементы национальнокультурного плана, так как идиомы возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [11, с. 302].

Изучение идиоматичности значения языковых единиц на протяжении XX и в начале XXI века в языкознании осознается как важное, привлекает внимание лингвистов, которые занимаются теорией номинации, синтаксисом, а также лексикой и фразеологией. Идиоматичность в первую очередь исследовалась применительно к фразеологическим единицам (на основе свойства семантической слитности созданы семантические классификации фразеологизмов В. В. Виноградова, Б. А. Ларина и др.).

Особая роль принадлежит работам В.В. Виноградова, который заложил основы синхронного изучения идиоматичности фразеологических единиц и предложил классификацию фразеологизмов, которая отражает их внутреннюю семантическую дифференциацию. Виноградов вводит понятие «смысловой неразложимости выражения», говорит об «утрате смысловой делимости» фразеологических единиц. Называемая Виноградовым «невыводимость значений целого из компонентов» — это и есть идиоматичность значения фразеологической единицы.

Фразеологическое сращение, или **идиома** (от греч. ἴδιος — собственный, свойственный) — это семантически неделимый оборот, значение которого совершенно не выводимо из значений

составляющих его компонентов. [13, с. 285]. Например: *Туда не ходи, сюда ходи! Снег бабка попадёт, совсем мёртвый будешь, таможня даёт добро, если б я был султан, я б имел трѣх жѣн.*

О.С. Ахманова приводит определения идиомы и фразеологической единицы в Словаре лингвистических терминов: «Идиома: 1. Словосочетание, обнаруживающее в своем синтаксическом и семантическом строении специфические и неповторимые свойства данного языка. 2. То же, что и фразеологическая единица», «Собственно идиома — фразеологическая единица, обладающая ярко выраженными стилистическими особенностями, благодаря которым ее употребление вносит в речь элемент игры, шутки, нарочитости» [1, с. 165]. А «фразеологическая единица» объясняется как «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих ее элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению), вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова» [1, с. 503].

Идиоматичность, по мнению В. П. Жукова — это «смысловая неразложимость фразеологизма вообще» [4, с. 6]. А по А. В. Кунину — «целостность значения» [6, с. 9]. Как отмечает А. Н. Баранов «все определения идиоматичности сводятся к трем базовым идеям — переинтерпретации (наличию переносного значения, частичной или полной деактуализацией компонентов фразеологизма), непрозрачности (отсутствия правил, позволяющих выявить значение; отсутствие одного или нескольких компонентов выражения в словаре) и усложнению способа указания на денотат (существование в языке выражения наряду с более простым и стандартным наименованием)» [2, с. 30-31].

В отечественной лингвистике идиоматичность трактуется как невыводимость общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов (семантическая целостность, слитность значений лексем); как глобальность номинации, роднящая идиоматичное сочетание слов с единым словом; как буквальная непереводаемость на другие языки (В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Л.А. Булаховский, С.И. Ожегов, В.Н. Телия и др.). Например, идиома *Наши люди в булочную на такси не ездят!* 'смысл этого выражения не поймёт ни один иностранец, оно доступно только тем, кто родился и жил в эпоху застоя' [12, с. 396].

При этом термин *идиома* служит либо синонимом термина *фразеологическая единица* (А. В. Кунин, О. С. Ахманова,

В.М. Мокиенко и др.), либо наименованием одного из разрядов фразеологических единиц (В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, В.Н. Телия и др.).

Исходя из того, что идиома есть языковая единица, обладающая внутриязыковой идиоматичностью, можно заключить, что идиома (в широком смысле) имеет два категориальных признака: устойчивость и семантическую транспонированность. Иными словами, идиома (в широком смысле) — это семантически транспонированная единица языка [10, с. 48].

По мнению В. Савицкого, фразеологизмы — это структурный разряд идиом. Можно поставить знак равенства между этими дефинициями. Фразеологические идиомы (= фразеологические единицы = фразеологизмы) — это фразовые идиомы с полностью транспонированным (переносным) значением [10, с. 57].

Идиома называет или подразумевает следующие свойства фразеологизмов. Первое — это устойчивость в рамках вариантности. В.М. Мокиенко полагает, что “лексическая замена компонентов далеко не всегда меняет образ, характер фразеологизма. Не редко могут заменяться слова — синонимы, обеспечивающие стабильность образного представления, причем круг этих слов, особенно в живой речи весьма широк. Довольно часто замена компонентов проходит в тематическом круге лексики, обеспечивающем относительную тождественность образного представления [8, с. 30]. Например, в идиоме *надо, Федя, Надо!* из дискурсивного поля советского художественного фильма «операция «Ы» и другие приключения Шурика» в других кинолентах происходит замена имени собственного. Ср.: *Надо, Костя, надо!* («Инспектор уголовного розыска».) [5, с. 283]. Трудно не признать структурно-семантическую близость, почти тождественность оборотов подобного типа. Он также отмечает, что “лексическое варьирование — это собственно фразеологическое варьирование, трансформация раздельнооформленной, но семантически цельной единицы” [8, с. 32]. Основными признаками варианта фразеологизма В.М. Мокиенко считает единство внутренней мотивировки, образа фразеологического оборота и относительную тождественность синтаксической конструкции, в рамках которой проходят лексические замены. Благодаря этим условиям “лексические замены в вариантах фразеологических единиц носят строго закономерный, системный характер” [8, с. 33].

Такие тождественные свойства идиомы и фразеологической единицы как раздельнооформленность и целостность образа

обеспечивают взаимозаменяемость его компонентов и в то же время семантическую стабильность при её варьированности.

Следующей особенностью идиом является полная семантическую неравнообъемность (переносное значение). Например, идиома *Цигель, цигель, ай-лю-лю* '*непереводимая игра слов*' из дискурсивного поля кинофильма «Бриллиантовая рука» имеет переносное значение '*предупреждение поторопиться*' или '*ваше время вышло*' [12, с. 501].

Также идиома обладает таким признаком как частичная либо полная семантическую целостность, образность. Идиомы из дискурсивного пространства кинофильмов содержат уникальную образную информацию, создавая эмоциональное настроение. Так, идиома *Счастье — это когда тебя понимают* из кинокартины «Доживем до понедельника» содержит лексику *счастье*, которая должна вызывать положительные эмоции, но она сопровождается в фильме нежной, грустной мелодией, так как у пишущего эти строки ученика понимания со стороны любимой девушки нет [9, с. 57-58]. Переданная конституацией информация, подкреплённая музыкальным фоном, создает особую минорную образность у данной идиомы [3, с. 75].

Особенностью идиом является то, что они синтаксически выступают в качестве единого члена предложения. Иногда у них могут быть потеряны внутренние синтаксические связи между компонентами.

Фразеологические единицы, обладающие высокой степенью идиоматичности, имеют синтаксическую целостность. Соответственно, компоненты данных единиц не могут принимать другие слова. Так идиома *Не царское это дело* из дискурсивного поля кинофильма «Бриллиантовая рука» потеряет смысл, если мы добавим в нее наречие «очень».

Идиомы отражают не только мудрость народа, но и его отношение к миру (выраженное через язык) и даже юмор. *Не виноватая я, он сам пришёл!* '*ироничное подтрунивание над неудачными попытками оправдаться*'.

Чтоб я видел тебя гробу в белых тапках '*щутливая угроза, пожелание гибели*' *Украл, выпил, в тюрьму. Романтика!* '*используют как иронично-негативный лозунг антиобщественного образа жизни*' [12, с. 399].

Идиоматичность в той или иной степени присуща всем фразеологизмам, но проявляться она может в различных формах: целостность, неразложимость значения, невозможность его

мотивировать, наличие в языке простого наименования обозначенного во фразеологизме явления. «Идиоматичность возникает у фразеосочетаний, значение которых несводимо к сумме значений компонентов» [7, с. 33]. Именно это признак может являться одним из ведущих при определении фразеологической единицы, поскольку он помогает разграничить фразеологизм и свободное словосочетание. В самом общем случае идиоматичность означает некую осложненность способа выражения содержания. Фразеология оказывается лишь одним из проявлений идиоматичности.

Список литературы:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М : Издательство Советская энциклопедия, 1969.
2. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии — М.: Знак, 2008. — 656 с.
3. Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: Учебное пособие. — 2-е изд. — Киев: ООО «Изд. дом «Аванпострим», 2007. — 336 с.
4. Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пос. — М.: Высшая школа, 2006. — 408 с.
5. Кожевников А.Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 672 с.
6. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. — Дубна: Феникс+, 2005. — 488 с.
7. Копыленко М. М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Воронеж, 1989.
8. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пос. — М.: Высшая школа, 1989. — 287 с.
9. НРУС — КС — Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова (материалы для словаря): Уч. пособие [В 4 частях]. — К., 2001-2003.
10. Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики — М. : Гнозис, 2006. — 208 с.
11. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов [Текст] / В.Н. Телия // Славянское языкознание: докл. рос. делегации; XI Междунар. съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993) / отв. ред. Н.И. Толстой. — М.: Наука, 1993.
12. Фразеологический словарь русского языка / Авт.-сост. А.А. Легостаев, С.В. Логинов. — Ростов н/Д: «Феникс», 2003. — с. 399.
13. Яранцев Р.И. Русская фразеология: словарь-справочник — 2-е изд., стереотип. — М. : Рус. яз., 2001. — 845 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**«НАУКА И ИСКУССТВО: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

14 декабря 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.12.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630082, г. Новосибирск, ул. Дачная, 21/1
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28